Константин (Конан) Чернышов

УСПЕХ В КОНЦЕ ПУТИ

18+

Константин Чернышов

УСПЕХ В КОНЦЕ ПУТИ

https://litres.ru/74806087
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — рассказ о фактах мистики, проверенных на себе в реальности девяностых и двухтысячных годов: от лечения бесконтактно руками до управления сновидениями, левитацией и прохождением через твердые предметы с ощущением холода в руке, провалившейся в стену;

от пугающих ночных состояний до необъяснимых загадок и понимания, как устроен мир неорганических существ.

Здесь много самоиронии, живых историй из жизни и откровенных вопросов к Творцу. О том, как обычный человек пытается не сломаться в трудные времена, научиться принимать свою судьбу и мир в душе.

Началось все с травмы позвоночника и усыханием ноги в армии из-за потери невесты, первой любви. Дикуль, Джуна были ориентиром в лечении и духовного поиска.

Сбор энергии через периферийное видение, пересмотр жизни, владением техникой долгого секса, намерением воина, занятиями ушу, контролем за чувством собственной важности, - все для того, чтобы жить в духовном мире. Но победа осталась за православием, доказанная Ангелом и Богом.

УСПЕХ В КОНЦЕ ПУТИ

СИНОПСИС

О чем эта книга

Это история о необычных поисках смысла нашего существования на фоне вполне земной жизни во Фрунзе, Сочи, Светлогорске и Калининграде. О том, как обычный человек, далекий от кабинетов великих гуру, однажды обнаруживает, что привычная реальность устроена гораздо хитрее, чем кажется на первый взгляд. Атеизм, глядя на эти факты и проверки на собственном опыте, бегом поспешит к ближайшему психиатру абсолютно в любом обличии: будучи хоть академиком, хоть дворником.

Сюжет и путь героя

Всё начинается с юношеского любопытства к тайнам, спиритизму и осознанным сновидениям, а оборачивается настоящим столкновением с невидимой стороной мира. Жизнь устраивает главному герою проверку на прочность по всем фронтам: от тяжелых жизненных испытаний, безденежья и нелепых бытовых ловушек до пугающих ночных состояний, таинственных снов и странных аномалий, которые невозможно списать на совпадения.

Пытаясь разобраться, кто и по каким правилам дергает за ниточки в этом большом театре, герой проходит через всё:

отчаянные споры с судьбой и дерзкие вопросы к Небу;

изучение древних учений, восточной философии и прак-

тик сталкинга;

курьезные житейские истории — от гаданий с волнистыми попугайчиками на базарах до ночных дежурств у моря и загадочного «соседа» в светлогорской квартире.

Финал и главная мысль

Постепенно юношеский бунт и желание переспорить Вселенную сменяются трезвым взглядом на вещи и глубоким внутренним затишьем. Пройдя через череду непростых уроков и сбив спесь с собственного эго, герой приходит к главному открытию: настоящая свобода начинается не с попытки взломать мироздание, а с умения сохранять порядочность, свет в душе и мир с самим собой и Богом.

Интонация

Книга написана живым, образным языком, с юмором там, где надо для лучшего восприятия, и где серьезные размышления о смысле жизни и вере соседствуют с мягкой самоиронией над тем, как комично порой выглядит грозный «исследователь тайн» в самой обычной житейской ситуации.

ОБРАЩЕНИЕ К МИРУ ЧЕРЕЗ ЧИТАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ МОГУТ ПОМОЧЬ СЕБЕ И ДРУГИМ ЛЮДЯМ В ВЕЧНОСТИ, ДА И В ЭТОЙ ЖИЗНИ, ЧЕРЕЗ МЯГКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ САМОЙ КНИГИ…

Сегодня мы живем в очень неспокойное время. Есть опасения, исходя из предупреждения великих пророков и предсказателей христианства, которые зафиксированы во мно-

гих источниках информации, что наша общая жизнь может закончится неожиданно. Это тревожно и очень печально. Жаль детей и очень молодых людей. Особенное беспокойство – за своих близких и родных. Поэтому и писалась эта книга. Прочитав ее, каждый человек может проверить все на себе. И подтверждение произойдет очень быстро: мне было показано в тот же вечер, когда проверял Истину. Меня тащили куда-то вниз с ускорением, как в самолете. Держали под мышки две сущности — прямо эпизод из фильма… остальное прочтете сами…

Проверка простая: нужно задать Творцу прямой вопрос: хочу знать истину. Автор книги утверждает, что она в православии, которую Ты подтвердил фактами, и от которых идут мурашки по коже. Но я не очень доверяю рассказам, как и он сам. Поэтому хочу все проверить на себе…

Уверен, что подтверждение придет незамедлительно, если это будет сказано искренне. Но два следующих могут растянуться до того времени, когда они будут полностью подпадать под вашу собственную жизнь, использовав самые необходимые обстоятельства.

Мне, после моих исследований совсем недавно пришло такое сопоставление от упрямых факторов, что голова заболела не на шутку. Простая арифметика: Христос, пробыв неполных трое суток, особенно последних, в вечном мире после своего распятия, воскрес ранним утром, а может быть даже ночью – никто точно не знает. И неспроста. Поэтому и

пришли опасения, сопоставляя высказывание, что там один день, как здесь тысяча лет… Если наше третье тысячелетие принять за третий день посмертия Христа, то мы должны быть готовыми в любой момент к второму Его пришествию.

Я никого не пугаю, хоть и сам боюсь. Ведь предсказания твердят, что если Россия скатится до безумства всего мира, то нам всем несдобровать. И только покаяние в своих грехах, причем массовое, может отодвинуть сроки прекращения жизни на земле! А еще, и Россия должна стать снова православной страной, где конституция станет тем более православной, а не светской. И правительство — тоже…

Но это уже жесткие условия. Ведь история Библии показывает, как покаяние всего народа вместе с царем дало возможность избежать участи Содома и Гоморры даже при обещании Бога уничтожить город… Об этом стоит подумать всем без исключения россиянам: так хоть будет шанс на спасение этой жизни на земле.

ПРОЛОГ

Тайна притягивала меня с самого детства. В юности, когда хотелось докопаться до сути вещей, в жизнь вошли рассказы об НЛО, феномен Джуны и опасные юношеские опыты со спиритизмом.

Обычно люди отмахиваются от всего непонятного: куда спокойнее верить, что мир прост и предсказуем, а всё остальное — просто выдумки. Но в глубине души каждый чувствует, что за ширмой привычных будней скрывается что-то го-

раздо большее.

Постепенно в жизни стали происходить события, которые невозможно было списать на случайность. Тогда впервые пришло ясное понимание: наша судьба зависит не только от планов, но и от множества скрытых законов, которые не всегда поддаются рассудку.

Эта книга складывалась двадцать лет, в самые разные периоды жизни. В ней две части, с третьей растущей, где показывается весь пройденный путь: от первого растерянного страха перед непознанным и бунта против своей участи — до спокойного, зрелого примирения с жизнью, судьбой и самим собой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человеческая жизнь безусловно непостижима, и официальная наука, надо признать, до сих пор разводит руками на простейшие вопросы в духе: «Кто мы, откуда и зачем вообще включили этот свет?» Академики скромно молчат на этот счет. Их оставляем в покое, однако при желании стоит сделать робкий шаг в сторону так называемых пограничных зон, когда реальность начинает выдавать такие осязаемые фокусы, что шляпа слетает сама собой.

Пока миллиарды почтенных людей преспокойно мечутся по плоскости, коллекционируют инфаркты и копят сомнительный бытовой хлам, Вселенная продолжает свой глобаль-

ный эксперимент. Обыватели даже не догадываются, чего от них хочет Творец, но в нашей истории купол этой скучной обыденности дал солидную трещину под аккуратным давлением Намерения. Для тех, кто желает лично убедиться в существовании невидимого фронта, всегда открыты две двери: одна — с табличкой «Смертельно опасно», вторая — «Относительно безопасно» (выбирайте с умом).

Но прежде чем мы заглянем за занавес, обязан честно обнажить перед вами то унылое ментальное состояние, с которого всё начиналось. В первых черновых записях сквозит такой беспросветный тупик, что с непривычки можно загрустить. Однако суровая писательская работа — шаг за шагом, чашка за чашкой — в итоге привела автора к весьма дипломатичному перемирию с собственной участью и Всевышним.

Вот строки, с которых стартовала самая первая, максимально сырая редакция — здесь скопилась вся тогдашняя экзистенциальная боль:

«Будем честны: меня никто не спрашивал и не просил подписывать контракт на ПМЖ здесь, на Земле, ради этой сомнительной и тоскливой прогулки. Временами я искренне жалел о своем появлении на свет, поскольку вечная неудовлетворенность земным бытием — это пытка, которую не пожелаешь и врагу. Невидимая духовная сила, закрепившаяся за мной, определенно существует (знаки будут дальше, приготовьтесь), но в тот период её почти пламенно ненави-

дел. За что? Да за всё сразу: за горькую участь, за странные патологии внутреннего мира и, в конце концов, за собственную биологическую оболочку. К сорока восьми годам в памяти остались лишь обрывочные вспышки, словно и не жил вовсе. И только редкие мистические эпизоды выламываются из этого серого плена. С них и начнем — чтобы вам было весело читать, а мне — не так занудно вести хроники».

Написанное — образцовая точка кипения, классический бунт уязвленного человеческого эго против космического расписания. Когда благородный дон начинает костерить своего невидимого Куратора за дефекты конструкции и косо смотреть на собственное тело, его восприятие сжимается до предела.

Спесивое человеческое «я» здесь доходит до своего апогея. Но парадокс сталкинга в том и заключается: именно тогда, когда обыденный разум признает полное поражение, а логические схемы лопаются со звоном, трещины в нашем привычном коконе становятся шире и зазеркальный лазутчик наконец-то может просунуть туда свой любопытный нос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, как только начитаешься трудов достопочтенного дона Карлоса Кастанеды, Вселенная тут же включает режим интерактивного шоу. Поначалу все эти индейские байки кажутся сказкой для наивных джентльменов или бредом сума-

сшедшего. После прочтения моих хроник, пожалуй, то же самое можно сказать и обо мне, но не торопитесь вызывать карету скорой помощи — у нашего безумия весьма строгая дедуктивная логика.

Занявшись суровыми упражнениями по накоплению энергии (и, заметьте, полностью отказавшись от употребления подозрительных мексиканских кактусов и грибов, исключительно на сухом пайке железной дисциплины), я уже через пару дней на личном опыте убедился: Кастанеда был безоговорочно прав. Сверхъестественные силы не просто существуют — они активно ищут контактов с людьми, у которых хватило дерзости включить жесткую дисциплину и заявить о своем Намерении. Силы будто только и ждут в засаде какого-нибудь скучающего сорокавосьмилетнего джентльмена, чтобы устроить ему экстренную проверку на излом.

Первый «привет» от невидимого фронта прилетел без предварительной записи, часов в десять вечера. Вскоре мирно отошел ко сну, но проснулся от того, что воздух в комнате внезапно закончился. Пространство решило, что кислород для меня — это непозволительная роскошь, а на мою грудную клетку опустился груз такой колоссальной тяжести со всех сторон, будто на кровать взгромоздили мощь океанского давления. Она давила со всех сторон с истинно космическим сарказмом.

Дышать становилось всё труднее, и я принял единственное логичное решение — подняться, включить сыщика и

проверить, что, собственно, происходит. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что не могу пошевелить даже мизинцем! Тревога мгновенно переросла в панику: здравия желаю, абсолютный, звенящий паралич плоти. Создавалось стойкое ощущение, что некий невидимый визитер деловито разделывается с моим телом, которое больше не принадлежало моему разуму. Эго, еще минуту назад мнившее себя великим исследователем пограничных зон, трусливо капитулировало под матрас и забилось под плинтус. Логические схемы лопнули со звоном: Сила популярно продемонстрировала, что заигрывания с тайными мирами — это не пустые светские беседы на кухне под чаёк, а жесткое столкновение, где грань между новым опытом и посмертным заключением истончается до предела.

Из этого паршивого оцепенения и мерзких спецэффектов меня вытащил не здравый смысл (он-то как раз сдался первым), а Чистое Намерение. Мое сознание вдруг откуда-то выскребло волю открыть глаза наперекор злой участи. Веки отчаянно сопротивлялись, словно заржавевшие ворота фамильного склепа, но Намерение победило. И — о чудо зазеркального менеджмента! — вместе с этим актом воли чужое давление мгновенно схлопнулось, тяжесть спала, оставив меня наедине с бешено колотящимся сердцем и абсолютной бодростью духа.

Резко сев на постели и включив сыщицкий взгляд, лихорадочно озирался по углам в поисках ночного монстра. Но

незримый мир умеет безупречно заметать следы: ни отпечатков на шее, ни посторонних предметов, ни вежливой записки с извинениями. Пришлось вернуться ко сну с большой опаской, вздрагивая от каждого шороха за стеной.

Чтобы штурмовать многомерные пространства и дальше, Сила требует от искателя не только крепких нервов, но и банальной физической гибкости. И вот тут мое Намерение с размаху впечаталось в суровую и весьма неподатливую анатомическую реальность. С самого детства мои суставы напоминали несмазанные петли старого заброшенного амбара, полностью отрицая любые спортивные рекорды и эзотерические асаны. Каждое занятие по растяжке сухожилий превращалось в форменное кряхтение, сопровождаемое моим тихим ворчанием в адрес Творца, который явно сэкономил на смазочных материалах при сборке моей биологической оболочки.

Окончательный краш-тест этой искалеченной конструкции случился, когда мне было уже за тридцать. В порыве яростной закалки воина и эзотерического энтузиазма я взгромоздился на шведскую стенку, намертво зацепился одной ногой за перекладину, а второй принялся с бешеной силой дергать вниз, призывая на помощь всю мощь земного притяжения и ускорения. Замысел был грандиозным, но физика плотного плана оказалась циничнее толтекской магии: сухожилие между ног с сухим гитарным треском частично оторвалось прямо от кости. Пытаться взломать код Вселен-

ной, имея в активе оторванные запчасти и заскрипевший костяк — ситуация, полная глубокого житейского сарказма. Но раскаленный разум упрямо рвался к звездам, полностью игнорируя стоны и протесты физического скафандра.

Масла в огонь подливала и сама толтекская философия. По версии Кастанеды, Космический Начальник — это вовсе не благостный дедушка на облаке, а гигантское и крайне прожорливое существо (Орел), которое на исходе дней просто собирает наше осознание, словно фермер спелую редиску на грядке. Праведный гнев в адрес создателя такой хищной системы стал для меня своеобразной душевной отдушиной. Мое органическое, тянущееся с детства неприятие любого насилия бунтовало против этого космического беспредела. Пока мое спесивое «Я» костерило Творца за дефекты конструкции и сокрушалось о несправедливости мироздания, Сила решила сменить гнев на милость и прощупать границы моего восприятия более филигранным и деликатным методом.

В один из вечеров принял горизонтальное положение и решил заняться ментальным рисованием. Идея была изящной: закрыть глаза и на абсолютном черном фоне воображения аккуратно вывести контуры собственных ладоней, используя сияющую белую точку вместо карандаша. Мозг буквально плавился от перегрузки, линии постоянно распадались, а гордыня настойчиво шептала бросить это бессмысленное занятие. Этот мысленный набросок растянулся без

малого на два часа, вызвав глубочайшее ментальное истощение и дикую усталость.

И вот, на самой точке излома, когда контроль за ситуацией был почти потерян, над моим торсом повеяло легким, таинственным холодком. Странный ветерок медленно переместился к лицу, хотя окна и двери в комнате были закрыты наглухо, полностью исключая любые сквозняки. На душе внезапно стало на удивление легко и весело.

А следом за ветерком прямо у моего лица начала плавно подниматься таинственная, осязаемая тяжесть — ее буквально наблюдал сквозь сомкнутые веки! И тут из нахлынувшей кромешной темноты перед взором стала проступать слабо различимая панорама: у ночного костра сидит веселая компания. Оттуда явственно доносился шелест, загадочный шепот голосов и тот самый ангельский, заразительный и на редкость приятный смех. Неорганические сущности обладают тончайшим зазеркальным сарказмом, и хохотали они настолько душевно, что самому едва пришлось удерживаться от встречного порыва — чуть сам не присоединился к этому потустороннему пикнику! Сдержаться пришлось колоссальным волевым усилием — исключительно из страха спугнуть чудное мгновение.

В минуту такого триумфа мое эго вовсю ликовало перед лицом суетливого материального мира обывателей с их унылым ментальным сном, каждодневными заботами. Пережитый восторг рождал законное желание получать нектар ино-

го мира прямо в купол восприятия как можно чаще.

Но Сила продолжала транслировать чистую мантику. По телу снова пробежал прохладный ток, и парящая у лица тяжесть плавно переместилась вниз, к ногам. Прямо над ступнями она воспарила примерно на полметра и превратилась в сероватый шар диаметром около метра. В волшебном состоянии веки, работая в режиме нелегального импортного телевизора, продолжали транслировать комнату со стопроцентной четкостью. Виделась одновременно сама энергетическая сфера и комната в полумраке, освещаемая уличным фонарем за окном. Открывшийся вид полностью соответствовал физической реальности, но точка обзора сместилась самым невероятным образом: физическое тело покоилось на спине, но я явственно видел всё со стороны, будто сидел на постели. Шар находился справа от ног, зависнув в воздухе неподвижно и беззвучно, лишь слегка подергиваясь, словно примериваясь к габаритам мебели.

Затем молниеносным движением он проложил влево быстро исчезающую полосу и совершил резкий рывок исчезновения прямо в сторону двери, улетая сквозь закрытые деревянные перегородки, наглядно показав, что для истинного осознания все наши плотные стены — не более чем прозрачный туман. Видеть реальный мир с закрытыми глазами и при этом точно не спать — происходило со мной впервые. Прежние скромные попытки бесконтактного лечения руками казались теперь лишь детским лепетом перед лицом столь

мощной манифестации Силы!

Ещё с минуту после исчезновения серого колобка я лежал в позе благочестивого египетского фараона, боясь даже чихнуть. В тот деликатный миг прагматичный рассудок, воспитанный на советском материализме, робко пискнул: «Слышь, воин, а может, это просто качественный сон?».

Для получения железных улик требовался следственный эксперимент. Логика сталкинга была проста, как британский топор: соскочить с дивана без малейшей раскачки. Если сплю — трюк не выйдет, и тогда продолжу пускать слюну в подушку. Приготовился, затаил дыхание и… слетел с матраса с такой прытью, что едва не пересчитал ребрами мебель.

Открываю глаза — и бинго! Картина яви филигранно, до последней соринки совпала с тем, что транслировалось сквозь закрытые веки. Душа, разумеется, тут же запела победный марш, а настроение взлетело выше лондонского Биг-Бена. Чтобы окончательно забить гвоздь в гроб сомнений, со всей дури взял да и ущипнул себя за руку. Боль полыхнула натуральная, отрезвляющая и весьма приводящая к нецензурной брани большую часть нашего мира.

«Ага! — закричало уязвленное эго, потирая синяк. — Значит, мексиканский старец Кастанеда не врал! Раз серый шар существует, то и в остальные параллельные миры теперь буду ходить, как к себе домой!».

Материальная жизнь, конечно, знатно обеднила человечество, лишив нас таких бесплатных развлечений для бес-

смертного сознания, поэтому чувствовал себя абсолютным триумфатором перед большинством людей.

До самого рассвета мозг плавился от мыслей, пока память вдруг не совершила изящный кульбит и не выкинула меня в далекое советское детство. На один конкретный загородный перекресток, который раньше казался нелепой случайностью, а теперь гордо именовался Знаком Силы.

Сюжет развернулся в ту благословенную пору, когда ко мне в город приехал погостить двоюродный брат Володя. Нам обоим было от трех до пяти лет — золотой возраст, когда социальные догмы еще не успели испортить наши чистые детские радары. Узнав от родителей, что Володя прибыл, мой разум мгновенно отключил инстинкт самосохранения. Ноги сами включили третью передачу, и во всю мощь понесли меня во двор на рандеву.

Путь со двора на улицу преграждал крутой Г-образный поворот, обзор на котором наглухо перекрывался массивным каменным забором. Это препятствие и послужило идеальным физическим триггером для нашей комедии абсурда.

На полной скорости летел с одной стороны стены, а братишка с точно таким же радостным ускорением несся со стороны улицы. Ровно на углу забора, будучи абсолютно невидимыми друг для друга, на стыке двух встречных траекторий мы с размаху, со всей дури столкнулись лбами!

Удар оказался сокрушительным. В глазах мгновенно полыхнул такой салют, какого не видели и на Красной площа-

ди, а из головы посыпались целые снопы разноцветных, а может и нет – не помню, искр. Любой здравомыслящий обыватель на нашем месте огласил бы окрестности истошным детским ревом, но зазеркальный режиссер распорядился иначе: двор взорвался нашим безудержным, истерическим хохотом. Мы катались по земле, вытирая слезы и держась за стремительно растущие шишки.

Так что это было — краш-тест двух юных черепных коробок или первый неосознанный привет от Силы? Володю, увы, уже давно отозвали с земного плана, так что спросить его не удастся. Но для моего восприятия это лобовое столкновение у каменного забора стало фундаментальным фактом: случайность — это лишь ленивое объяснение для тех, кто боится признать жесткую и ироничную режиссуру Вселенной.

Утром уже немедленно набрал номер моих новых приятелей по ушу, которые давно практиковали учение толтеков и служили мне ориентиром в дебрях Неведомого. Общаться приходилось в основном с Миланой, так как её спутник Стас был почти всегда занят исключительно собой и круглосуточным созерцанием собственного величия.

Милана, выслушав мой леденящий душу доклад и эмоциональный фонтан про ночной сероватый шар, лишь заливисто рассмеялась своим милым, приятным смехом. Она официально поздравила меня с тем, что мой слух зафиксировал подлинный голос Духа. Поразительно, как забавно устроена

человеческая натура: только что едва не умер от космического удушья, созерцая левитирующие сферы, но как только услышал приятный женский голос в телефонной трубке, тут же мое эго переключило меня на личные романтические фантазии и тайное соперничество со Стасом!

Много позже, анализируя эту странную реакцию, дедукция привела меня к пугающему выводу: думаю, Милана была не совсем человеком. Зазеркальные силы действуют филигранно, подсовывая нам такие живые маски и агентов в юбках, чтобы усыпить бдительность воина, увести в сторону бытовых глупостей и перехватить контроль над его свободной энергией.

Милана авторитетно сообщила, что в таких случаях нужно не сопротивляться, а «принять проверку Духа спокойно», расслабиться и продолжать занятия. От этого благодушного совета до сих пор веет могильным холодком. Последуя её рекомендации на все сто процентов, расслабься под тем космическим прессом и «прими проверку с радостью», то мое первое знакомство с неведомым закончилось бы банальным визитом бригады скорой помощи, которой осталось бы лишь констатировать внезапный инфаркт и остановку сердца, пока неорганическая бездна сытно ужинала бы моим осознанием. Если бы пришлось расслабиться, то непонятно что бы произошло: сначала расслабить и умереть, или умереть, а потом расслабиться…

Путь запредельного требует не слепой покорности ягнен-

ка, ведомого на заклание, а хищной хитрости, безупречности и звериной хватки воина, непрерывно выслеживающего собственное восприятие. Отрезвляющий кошмар был сдан, экзамен пройден. Это поздравление Миланы сработало как ведро бензина в топку: тренировки возобновились с усиленным энтузиазмом. Рассудок окончательно утвердился в выбранном направлении, и я, подстегиваемый любопытством, упрямо двинулся дальше. Вслед за накоплением личной силы в повседневной реальности начали происходить невероятные, глубоко тревожные события наяву…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Если взглянуть на мою биографию без розовых очков, то выяснится одна презабавная деталь: мистические чудеса и ночные визиты потусторонних автобусов занимают в ней считанные секунды. Всё остальное пространство времени намертво затапливает душная, вязкая обыденность. Она утомляла меня в юности, но, признаться честно, полностью вытравить эту серую скуку не удалось до сих пор. Попробуйте-ка пожить с таким свинцовым грузом на душе хотя бы последние два с половиной года — а у меня эта тоска накатывала вспышками на протяжении всей жизни! Неудивительно, что любой тупо мыслящий атеист, заглянув в эти хроники, покрутит пальцем у виска и вызовет санитаров, но для остальных людей каждое слово здесь чистая правда.

Кстати, о хронологии: на тропу индейской магии свернуть довелось вовсе не на закате дней, а когда стрелка моего биологического хронометра приблизилась к тридцати пяти годам. Именно тогда мне в руки попали труды Карлоса Кастанеды, и скучающий рассудок решил проверить, не водят ли мексиканские шаманы доверчивых читателей за нос.

Зато после того самого ночного рандеву с параличом и утреннего звонка Милане в моем восприятии произошел забавный кувырок. Пока внутренний детектив анализировал её милый смех и видел несбыточные планы по исчезновению конкурента Стаса, случилось кое-что по-настоящему важное: ушло гнетущее чувство одиночества. Впервые за долгое время понял, что в своих безумных эзотерических экспериментах нахожусь не один в чистом поле. Гордыня тут же расправила павлиний хвост и легким движением переклеила ярлыки: смертельно опасный ночной кошмар, от которого едва не отдал концы, в моих глазах мгновенно превратился в почетную грамоту воина!

Правда, если отбросить романтические сопли и включить холодный британский рассудок, от благодушного совета Миланы «расслабиться и принять проверку Духа» до сих пор тянет могильным холодком. Легко рассуждать о слиянии с бесконечностью, попивая утренний чай, когда не ты задыхаешься под невидимым прессом.

В трудах самого Кастанеды наглядно и без прикрас описана печальная статистика: сколько незадачливых испытате-

лей и древних магов бесследно сгинули в параллельных лабиринтах или закончили свои дни на дне ущелий, сигая со скал в наивной погоне за энергетическим телом! Невидимые силы не знают жалости. Они проверяют дух на излом, и если экспериментатор решит безвольно сдаться на милость победителя при первом же ночном оцепенении, бездна просто сожрет его осознание на завтрак, оставив кураторам из иного мира пустой биологический скафандр.

Погоня за материальным благополучием изрядно нас потрепала, высушила и превратила в унылых бухгалтеров собственной жизни. В этой суете мы умудрились посеять самое ценное — живой азарт первооткрывателя, без которого бессмертному сознанию просто не за что зацепиться в этом плотном мире. Но у тех, кто еще не окончательно зачерствел и не разучился задавать неудобные вопросы, сегодня появился вполне осязаемый шанс пощупать руками реальности, которые скептики высокомерно списывают в раздел дешевой фантастики.

Почти до самого утра в моей голове крутилась бесконечная мысленная жвачка, а память, словно дотошный следователь, упрямо перелистывала архив глубокого детства. Один эпизод из той ушедшей эпохи вдруг показался мне очень подозрительным — при том что долгие десятилетия списывал его на банальную детскую неуклюжесть и законы физики.

Дело было, когда ко мне в гости нагрянул двоюродный брат. Нам обоим тогда стукнуло лет по три-пять — золо-

той, практически святой возраст, когда в черепную коробку еще не успели загрузить социальные догмы, страхи и прочий взрослый системный мусор. Восприятие было чистым, как утренний снег.

Вспоминать ту советскую пору и старый двор, где рос, всегда немного щемит под ложечкой. Тогда внутри каждого пацана жила железобетонная, непоколебимая уверенность: ты здесь нужен, мир вокруг надежен, как швейцарский банк, а огромная страна всерьез приглядывает за тем, чтобы у тебя все сложилось.

Нынешняя реальность эту уютную броню давно растеряла, разменяв ее на холодный прагматизм и выживание в одиночку. К тому же в те благословенные времена были живы многие близкие — в том числе и мой кузен Володя. Именно с ним у нас и приключилась эта нелепая на первый взгляд история, которая врезалась в память намертво, словно татуировка.

Вообще-то в те годы я мотался к нему в деревню куда чаще, чем он выбирался ко мне в город. Диагноз у нас был один на двоих — тяжелая, абсолютно неизлечимая форма рыбалки.

С самого раннего детства мы сутками пропадали на сырых берегах, с головой уходя в это мокрое безумие с удочками и банками червей. Старина Карл Юнг наверняка бы довольно потер руки и закурил трубку, разбирая наш случай: вот оно, классическое доказательство того, как невин-

ные детские забавы завязывают тугие узлы будущих жизненных драм. Многочасовые бдения у ледяной воды, промокшие ноги и хронические простуды в итоге выставили мне суровый счет, обернувшись тяжелейшим недугом почек и всей выделительной системы. Эта злополучная страсть стала первой костяшкой домино для целой череды будущих передряг и физических страданий, о которых еще подробно доложу в следующих главах.

И вот однажды кузен нагрянул в город аккурат на мой день рождения, который по счастливому стечению обстоятельств совпадал с Первым мая — самым ярким, громким и любимым праздником тех лет, когда даже воздух пах сиренью и шариками. Мы были ровесниками, шли буквально ноздря в ноздрю по росту, и в эпоху без смартфонов, планшетов и приставок такой двойной повод сносил детскую крышу начисто.

Едва родители обмолвились, что брат уже здесь, мой внутренний инстинкт самосохранения торжественно сложил полномочия и ушел в отпуск. Мозг отключился, ноги включили форсаж, и тут же пулей вылетел во двор, как торпеда из подводной лодки.

Путь со двора на улицу преграждал крутой Г-образный поворот с массивным каменным забором, который перекрывал обзор почище секретного бункера. Идеальная декорация для столкновения двух неуправляемых снарядов, лишенных тормозов и здравого смысла.

Что летел на всех парах со двора, а братишка с точно таким же энтузиазмом и крейсерской скоростью несся мне навстречу с улицы, было ясно, как Божий день!. Ровно на стыке двух слепых траекторий, не видя друг друга в упор и даже не успев пискнуть, мы со всей дури сшиблись лбами.

Грохот в голове стоял такой, будто на полном ходу сошлись два товарных локомотива. В глазах мгновенно полыхнул праздничный салют, а из башки посыпались вполне осязаемые снопы искр — хоть прикуривай. Физическая боль была дикой, до звона в ушах; любой здравомыслящий взрослый на нашем месте тут же завыл бы белугой и вызвал скорую. Но вместо рева над двором грянул такой безудержный, истерический хохот, что задрожали стекла в окнах. Мы смеялись взахлеб, сгибаясь пополам и размазывая по щекам слезы от удара и какого-то необъяснимого, космического восторга.

И вот теперь, включив дедукцию и внутреннего детектива, спрашиваю себя: а была ли та стыковка простой случайностью? Или Сила уже тогда, в качестве аванса, отвесила нам первый воспитательный подзатыльник? Сдается мне, этот таран был срежиссирован не просто так — слишком уж ювелирно сошлись секунды и сантиметры.

Сформулировать сухой остаток того урока непросто — особенно за брата Володю, которого давно уже нет на этом земном плане. Но лично для меня та встреча с каменной реальностью и братским лбом стала первым звоночком, по-

сле которого обывательские сказки о «простых совпадениях» начали трещать по швам.

Лобовой таран у забора прозрачно намекнул: в этом мире вообще мало что происходит на авось. Подобные ситуации подбрасывают нам ровно для того, чтобы мы наконец прозрели: «случай» — это всего лишь скромный псевдоним жесткой, математически точной и безупречно разумной системы, которая без устали обтачивает наше сознание, как напильник болванку.

Если не щелкать клювом, а присматриваться к этой скрытой режиссуре, рано или поздно удастся приоткрыть тяжелый занавес привычной бытовой скуки. И уж если воин духа разглядел, как устроены кулисы, молчать не положено — приходится тормошить остальных. В первую очередь тех прагматичных, но до смешного легкомысленных граждан, которые упрямо делают вид, будто за штурвалом этой Вселенной никого нет.

Так за разбором детских улик и космических законов дотянул до самого утра, даже не заметив, как пролетела ночь. Едва за окном забрезжил рассвет, тут же схватился за телефон и набрал Милану, чтобы во всех красках доложить о ночном визите загадочного сероватого шара.

Выслушав мой сбивчивый, но полный энтузиазма рапорт, подруга от души поздравила с боевым крещением: мол, принимай поздравления, дорогой, твой слух только что зафиксировал подлинный голос Духа. Это отрезвляющее поздрав-

ление сработало лучше любого двойного эспрессо — к практикам я вернулся с азартом.

Рассудок наконец перестал упираться, выбросил белый флаг и принял новый курс. И стоило только начать всерьез копить личную силу, как в самой обычной, повседневной реальности начали твориться вещи по-настоящему невероятные и местами весьма тревожные.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В городе, где мне довелось родиться и вырасти, — в прекрасной, утопающей в зелени столице Киргизии Фрунзе, которую впоследствии, к моему глубокому прискорбию, переименовали в несуразный нынешний Бишкек, — начали разворачиваться события, явно выходящие за рамки стандартной городской хроники.

Есть там одна примечательная артерия: в советскую эпоху она гордо именовалась бульваром Дзержинского, а ныне превратилась в Эркиндик, что мне не о чем не говорит, как и большинству людей. Эти тенистые аллеи служили для меня идеальным полигоном для пеших прогулок и хитрых упражнений по выслеживанию собственного восприятия. Густой, напоенный зеленью воздух возвращал вкус к жизни и позволял хотя бы на час выветрить из головы тяжелый туман, накрывший меня после полного развала семьи.

В тридцать четыре года мой семейный корабль торже-

ственно пошел ко дну. Главной пробоиной оказалось полное отсутствие взаимной любви, а контрольным выстрелом стали хроническая ложь супруги и ее изощренная, достойная шпионских романов бытовая хитрость.

Семейные узы рухнули, оставив после себя выжженное поле и гулкую пустоту. Но для искателя запредельного, одиночество — вовсе не приговор, а отличная стартовая площадка: с плеч сваливаются тяжелые социальные якоря, и сознание наконец готово к прыжку в неизвестность.

Примостившись на деревянной скамейке под сенью вековых деревьев, включился режим полной боевой готовности и принялся пристально сканировать реальность. Стоило только приглушить вечную радиостанцию внутреннего диалога, настроив уши на малейшие шорохи, а глаза — на микроскопические движения, как пространство мгновенно откликнулось. Бульвар словно превратился в огромный живой организм, который вдруг заметил: «О, глядите, один из двуногих наконец проснулся!» Незримый режиссер за кулисами реальности решил подать первый знак.

Рядом со скамьей, справа и чуть позади, с оглушительным треском рухнула увесистая ветка — при том, что вокруг стоял полный штиль, какой бывает только в знойный, ленивый летний полдень.

Не успел перевариться этот спецэффект, как прямо к моему лицу, на дистанцию каких-то тридцати сантиметров, спикировала и зависла в воздухе гигантская муха. Крылатый

монстр уставился на меня своими огромными фасеточными локаторами и замер на месте так неподвижно, будто его прибили к воздуху невидимым гвоздем.

Первая реакция любого нормального гражданина — немедленно отмахнуться от наглой твари, которая срывает сеанс глубокой медитации. Пару раз энергично махнул рукой перед самым ее носом, но космический разведчик даже бровью не повел. Ни испуга, ни маневра уклонения — висит себе, изучает.

Ситуация приняла комичный оборот. В голову тут же полезла дурацкая бытовая мысль: неужели сегодня выгляжу настолько неважно, что местная фауна приняла меня за перспективный обед? Даже незаметно повел носом, принюхиваясь к собственной рубашке в поисках сомнительного амбре.

Глаза лихорадочно зашарили по кустам и асфальту в поисках скрытого магнита для насекомых, но, кроме меня, застывшего на лавочке в позе мыслителя, вокруг не было ни крошки. И тут в голове щелкнуло: память мигом подбросила страницы из книг Кастанеды о знаках мира. Дошло! Передо мной висела вовсе не рядовая любительница помоек. Такие аномально огромные экземпляры не болтаются без дела по центральным аллеям — у них, знаете ли, плотный график и строгие маршруты.

Едва мой рассудок выбросил в мусорку плоские логические шаблоны и признал, что передо мной — прямой посланник Силы, картинка мгновенно сменилась. Гигантский ла-

зутчик, словно получив подтверждение, что телеграмма доставлена, заложил безупречный, геометрически идеальный вираж по кругу и испарился в воздухе.

По спине прокатилась мистическая волна, а кожа мгновенно покрылась мурашками. Незримый мир только что выдал мне официальный сертификат с печатью: «Принят в игру».

После визита крылатого курьера пространство вокруг окончательно распоясалось. Уши уловили суховатый треск вдали ломающихся веток, а боковое зрение фиксировало прозрачные тени, шмыгающие по краю восприятия. Мелкие детали со временем подстерлись, но главное осталось навсегда: за мной присматривают. И этот незримый контакт разжег такой азарт первооткрывателя, что назад дороги уже не было.

В ту же ночь, словно в награду за дневную смекалку, ждал грандиозный бонус — первое в жизни осознанное сновидение, после которого обычные ночные мультики показались жалкой самодеятельностью.

Этот прорыв созрел примерно через месяц упорных тренировок. Представьте себе: посреди глубокой ночи разум вдруг включается с ослепительной ясностью прожектора. Ты четко понимаешь, что тело мирно храпит на кровати, а твое «я» бодрствует, соображает на сто процентов и может рулить событиями одной лишь силой Намерения. И никаких утренних провалов в памяти — каждый кадр врезается в сознание

намертво.

Декорации включились посреди нашего старого двора, общего для нескольких ветхих домишек. К моему вечному сожалению, это было жилье барачного типа, в котором мне довелось влачить всю предыдущую жизнь.

Эти бараки пришлось ненавидеть каждой фиброй души — за их унылый, обшарпанный вид, вечную неустроенность и за издевательские обещания городских чиновников, которые десятилетиями клялись вот-вот их снести, но дальше бумажек дело не шло.

Сегодня к этому покинутому углу у меня добавилась свежая порция праведного негодования: долгожданный снос все-таки затеяли аккурат после того, как в панике от событий впереди продал жилье за сущие копейки, оставшись с пустыми карманами по меркам продвинутой публики. В те годы нищета и тоска в реальности делали ночные побеги в бесконечность единственной отдушиной, спасавшей рассудок от свинцового уныния.

Итак, волевой импульс затащил меня во дворик родительской квартиры. Шагнув в полутемный коридор, уверенно распахнул дверь в маленькую проходную комнату.

Внутри обнаружились две крошечные деревянные кроватки, где мирно посапывали двое малышей. Застыв на пороге в полном недоумении и чеша в затылке, подумалось: «Так, стоп. Откуда в нашей квартире взялся филиал детского сада?»

Увы, на старте практики логика в сновидении еще здорово буксовала, как старый «Запорожец» в грязи. Наклонившись пониже и пытаясь разглядеть лица спящих карапузов, вычислить, кто это был, удалось лишь наутро, уже в обычном теле. Пожав плечами в полной растерянности, двинулся дальше и переступил порог зала. Глянул направо — и тут меня накрыл настоящий хронологический шок.

На диване сидел мужчина средних лет — вылитый мой отец в период его далекой молодости, если судить по фото. Краем глаза уловил яркие вспышки в углу комнаты. Там работал пузатый телевизор с микроскопическим экраном, но картинку он выдавал такую, какая не снилась ни одному современному плазменному гиганту: фантастически сочные, неоновые краски кристальной четкости. Пришлось даже зависнуть на минуту, любуясь этим буйством цвета, однако почему-то сюжет передачи был недоступен в тот момент – да и до него ли было?

Молодой отец пребывал в глубоком хмельном пике — сидел, уныло уронив голову на грудь, и в упор не замечал незваного гостя. До меня дошло: этот фантом из прошлого меня попросту не видит, потому что в его реальности меня еще даже в проекте не было!

Пытаясь докричаться до него, размахивал руками, как регулировщик на перекрестке, но подойти вплотную и похлопать его по плечу не пускал какой-то тугой невидимый барьер. Лишь на секунду батя приподнял голову и мазнул по

мне мутным взглядом, но прошел сквозь меня взором, словно почувствовал только легкий сквозняк из форточки, и снова отключился…

Православная традиция строго предупреждает: под масками родных во снах часто прячутся хитрые сущности, которым только и надо, что откачать у человека энергию через жалость и ностальгию…

Меня вдруг разобрал такой яростный спортивный азарт, что захотелось немедленно разнести эту унылую мизансцену в пух и прах. Отбросив всякий контроль, отдался чистому импульсу: ну уж очень хотелось показать ему, что можно делать в ином мире. Однако там совсем не понимал, что это недоступно для него!

Оттолкнувшись от пола, мое энергетическое тело рвануло вертикально вверх, как ракета на старте, и без малейшего сопротивления прошло сквозь потолок и крышу! Наш барак имел чердак с приличной воздушной прослойкой, и в момент прохождения сквозь перекрытия моя макушка вполне реально почувствовала волосами доски потолка. Это не было ни на что не похоже – только виделось глазами устройство потолка. Остальное тело проскочило преграду вообще без ощущений, хотя в будущих полетах сквозь стены учился чувствовать каждый миллиметр.

За долю секунды передо мной промелькнули темный чердак и тусклые бревна, и вот уже ноги мягко коснулись поверхности кровли.

Задрав голову — обомлел. Надо мной раскинулось южное звездное небо такой невероятной, космической красоты, что перехватило дыхание. Бездонно-черный бархат, ни единого намека на городскую засветку, крупные пульсирующие звезды размером с кулак и ослепительная полная луна в самом зените.

В реальном Фрунзе увидеть такое небо было задачей из разряда ненаучной фантастики: в долине вечно висел плотный коктейль из выхлопных газов, копоти ТЭЦ и дыма от печек частного сектора. К тому же в обычной жизни мой земной астигматизм безбожно портил всю малину, раздваивая луну так, что она напоминала старый советский ламповый телевизор с сбитым сведением лучей, а звезд практически видно не было, кроме большой медведицы и еще планет. Но здесь, в энергетическом теле, зрение работало в режиме сверхвысокой четкости. Так и стоял на крыше, разинув рот от восторга, пока Сила бесцеремонно не выдернула меня обратно.

Глаза распахнулись сами собой — резко, будто невидимая рука дернула за шнурок жалюзи. Никакой утренней лени, никакой тяжести в веках: стопроцентная, звенящая явь!

Обычно по утрам приходится буквально отдирать ресницы друг от друга, уговаривая организм проснуться. А тут принудительный, мгновенный подъем произвел эффект разорвавшейся бомбы — сразу чувствуешь, что за тобой присматривает строгий и бдительный куратор.

Адреналин звенел в каждой клетке. Мозг лихорадочно переваривал ночной ребус: меня забросило в прошлое, когда старшим брату и сестре было года по три, а сам я еще числился в списках неродившихся. Видимо, поэтому молодой отец и не смог меня разглядеть. Либо сдвиг точки сборки закинул меня в такую параллельную ветку реальности, разобраться в устройстве которой невероятно сложно.

Особенно умилял этот зазеркальный перфекционизм: в декорациях нищего советского барака прошлого века стоял телевизор с картинкой, которой позавидовали бы современные инженеры. Но никакие логические нестыковки не могли испортить чистого триумфа. Вспоминать тот первый прорыв сквозь потолок к безупречным звездам — значит заново ловить этот звенящий, ни с чем не сравнимый восторг. Фантастика обрела плоть, наглядно доказав: книги Кастанеды — это не сказки у костра, а вполне рабочая инструкция по взлому серой обыденности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как водится в любой экстраординарной ситуации, когда реальность только что треснула по швам и выбила почву из-под ног, вновь тут же схватился за телефон и набрал Милану — распирало от желания поделиться звенящим восторгом от ночного полета. Подруга выслушала мой сбивчивый, полный спецэффектов доклад с невозмутимостью английского

дворецкого и буднично обронила, что контролируемые сновидения у них в семье случаются каждую ночь — и у нее самой, и у Стаса.

Подумаешь, сквозь потолок пролетел — у людей, понимаешь, там целое регулярное авиасообщение налажено!

Чуть позже устроил подробный брифинг и для второго местного кастанедовца, которого в этих хрониках нареку Михаилом. Имена своих попутчиков сознательно изменил: официального нотариального разрешения на публикацию их личных подвигов никто не выдавал, а разгребать потом запоздалые претензии и мелкие обиды у меня нет ни малейшего желания.

Михаилу подробности ночного свидания с запредельным были вывалены как на духу.

В ту пору из-за полной зелености и отсутствия боевого опыта каждое мое открытие сопровождалось тоннами бурных, хаотичных эмоций — сознание буквально разрывало на куски от восторга, как перекачанный воздушный шарик.

Старшие товарищи слушали этот фонтан эйфории с олимпийским спокойствием и ледяной беспристрастностью. В их молчании читалась суровая солидарность ветеранов, давно перешагнувших первый порог неизведанного. Опытные воины мягко, но настойчиво прикручивали мой эмоциональный кран, вдалбливая в горячую голову базовый закон выслеживания: бурные всплески чувств — это банальная дыра в бензобаке. Через нее со свистом утекает драгоценная сво-

бодная энергия, которую положено бережно копить в канистру и тратить на куда более серьезные маневры.

Но была в этом суровом толтекском кодексе одна деталь, которая меня здорово царапала и откровенно огорчала — та легкая, почти хирургическая готовность, с которой святое понятие «любовь» приносилось в жертву сухой, функциональной привязанности. Внутри меня жило отчаянное, до судорог, желание любить по-настоящему, и мой рассудок наотрез отказывался принимать этот прагматичный мексиканский холод.

К моменту начала моих эзотерических раскопок за плечами висели долгие двенадцать лет брака с абсолютно нелюбимой женщиной. То было беспросветное, высушивающее душу существование под жестким прессом эгоистичной любви-собственничества.

В тесных тисках этого союза мы все же умудрились произвести на свет трех девочек — которые, как выяснилось позднее после вскрытия всех улик, оказались детьми моего бывшего друга. Несмотря на мою врожденную обязательность и собачью верность семейному очагу, в иные вечера стены тесной квартиры давили с такой силой, что хотелось задрать голову и завыть на луну, как подстреленный волк — даже если само ночное светило было наглухо задраено тяжелыми тучами киргизского неба.

Въевшаяся в подкорку привычка и фальшивое чувство долга годами удерживали меня от побега — до безумия, до

слез было жалко дочерей. Но судьба все-таки разрубила этот гордиев узел одним ударом.

Спустя четырнадцать лет, оглядываясь на те руины, не нахожу ни единой секунды сожаления о разводе. Оковы суррогатных отношений без капли живого чувства наконец-то рухнули, выпустив дух на свободу. Назад, в то серое и унылое болото, меня не заманишь ни за какие сокровища мира.

Правда, бывшая супруга не упустила шанса напоследок знатно потоптаться на обломках прошлого. Младшая дочка моей родной сестры и моя старшая девочка в детстве были не разлей вода — точь-в-точь как когда-то мы с двоюродным братом. Но бывшая жена сделала всё, чтобы перерубить все родственные провода, лишив детей нормального общения. А не так давно она вдруг внезапно воскресла в эфире — позвонила похвастаться своей блестящей новой жизнью.

С трубки телефонного провода торжественно объявила, что безумно влюбилась в дальнего родственника своего зятя. Самое забавное в этой мыльной опере то, что своего нынешнего законного мужа — того самого моего бывшего приятеля, к слову — эта великая комбинаторша никогда не любила. Родила от него четвертую девочку исключительно от потери контроля за зачатием, а в разговорах всегда цедила имя супруга с брезгливой миной, жалуясь, что от его дыхания вечно несет жуткой гнилью. В этом бытовом хорроре просматривается вполне конкретная мистика: чем лукавее и гнилее человек изнутри, тем быстрее его плоть начинает напоми-

нать низших сущностей, которые, как справедливо писали православные старцы, настолько извалялись в грехе, что начинают смердеть физически.

Замуж за приятеля бывшая выскочила во многом потому, что мне в порыве отчаяния незаметно случилось подтолкнуть ее к этому шагу, а ушлый товарищ вовремя подсуетился и подобрал освободившийся лот, чтобы только сбежать за границу, хотя возможно был увлечен и ею.

Сегодня мне искренне жаль лишь понимать о паре страхов — что не хватило мудрости разбежаться раньше, а в то время – по-тихому, без взаимных неудовлетворенностей. Да, разрыв вышел гадким по впечатлениям, но оставаться в мертвом браке означало медленно задыхаться каждый день на жестокой эмоциональной диете. Меньше всего мне хочется сейчас посыпать голову пеплом и каяться в излишней резкости. А тогда банально спасал последние остатки собственной души.

И вот во время этого эпического телефонного сеанса бывшая супруга вдруг с феноменальным, кристально чистым цинизмом предложила мне съехаться и начать все с чистого листа. У нее наконец-то сбылась заветная мещанская мечта: она обзавелась огромным трехэтажным особняком, дорогой иномаркой и полным джентльменским набором сытой жизни.

Из трубки с барской интонацией сыпались прозрачные намеки на материальные блага, которых у нищего искателя ис-

тины теперь отродясь не водилось и, судя по всему, уже не предвидится. По ее железной логике мне надо было немедленно упасть на колени и зайтись в экстазе от счастья, так как сирому и убогому высочайше даровали царскую милость. В голове тут же всплыла ядовитая реплика: «Простите, мадам, а как же дальний родственник зятя, в которого вы пять минут назад были безумно влюблены? Под лестницей поселим?» Но пришлось проявить выдержку разведчика и промолчать. Обошлось без лишнего театра.

На это заманчивое королевское предложение последовал мой вежливый, но железобетонный отказ — даже несмотря на то, что в бой бросили тяжелую артиллерию: к трубке позвали старшую дочь. К глубокой горечи, ребенок не подавал о себе ни слуху ни духу долгих одиннадцать лет.

Когда девочка заговорила, ее голос прозвучал абсолютно чуждо, ледяным тоном случайной прохожей: «Почему бы вам просто не сойтись?» Сейчас хоть убей не вспомню, прозвучало ли тогда слово «папа». Вряд ли. Сразу после развода заботливая мать оперативно переучила ее послушно называть отцом моего бывшего друга, которого как и считал таковым, но уж точно не он. У нее могло хватить ума придумать историю, почему стал родителем их нынешний глава семейства. Может она умудрилась узнать настоящую причину, когда у нас 4 года не было детей, а даже беременности…

На секунду перед глазами встала до тошноты фальшивая картинка: возвращение блудного, побитого жизнью папаши

на коврик у дверей разбогатевшей барыни — и внутри окончательно выгорели последние капли сомнений. Когда она в следующий раз набрала мой номер, то четко и без лишних сантиментов отчеканил в трубку, что любви к ней нет. На этом сеансы связи прекратились навсегда.

Моя родная сестра, выслушав эту трагикомедию, расстроилась чуть не до слез и даже попыталась сама дозвониться в трехэтажный замок, но владелица ледяным высокомерным тоном отрезала, что детей к мнимому отцу на пушечный выстрел не подпустит.

Так у бедной сестры рухнули последние призрачные надежды вырваться из этой злополучной страны, где простому человеку с его вечными проблемами, копеечной зарплатой и квартирным вопросом никому нет никакого дела. За последние восемнадцать лет она ни разу не видела нормального отпуска, в одиночку таща на себе детей и новорожденных внуков…

На этом унылом социальном фоне увлечение толтекскими практиками оставалось моей единственной, ни с чем не сравнимой отдушиной. Тихая, скрытая от глаз обывателей радость дарила колоссальный заряд бодрости воину, который упрямо шагал вперед наперекор всем фокусам судьбы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прогуливаясь как-то по городу, довелось зацепиться

взглядом за книжные развалы, оккупировавшие в ту пору буквально каждый угол. В лихие, шаткие годы конца девяностых лоточники стояли на каждом перекрестке, а рынок трещал по швам от эзотерической, мистической и откровенно псевдонаучной макулатуры.

Тут же вперемешку громоздились брошюрки по лечению подорожником и копеечные сборники рецептов из ничего — ушлые идеологи щедро скармливали народу эту пеструю духовную жвачку, чтобы хоть как-то отвлечь граждан от вопиющей нищеты и свинцовой серости постсоветских будней. В строгом, зарегулированном Советском Союзе подобный книжный балаган не приснился бы и в кошмаре, хотя и та ушедшая эпоха далеко не для всех была маслом по бутерброду.

В ту примечательную пору мистика манила с силой магнита, заставляя жадно глотать любые откровения о тайных пружинах мироздания. Особенно остро этот голод по запредельному вспыхнул сразу после мучительного развода с нелюбимой супругой. Внутри бушевал настоящий ментальный пожар, скопившийся за долгие годы эмоциональной засухи. Душа металась в поисках аварийного выхода, и в какой-то момент родилась дикая, отчаянная идея — обрубить все концы с опостылевшей реальностью и рвануть куда-нибудь подальше, желательно в Индию.

Рассудок буквально бредил откровениями скандального индийского гуру Ошо, в чьей гигантской коммуне практи-

ковались медитации, от которых у приличных обывателей вставали дыбом волосы. Стоило лишь пробежать глазами по страницам, как воображение тут же рисовало жаркие картины группового экстаза в абсолютно темных залах, где искатели в мистическом порыве менялись партнерами, стирая в пыль остатки сковывающего личность эго.

В ту минуту до судорог захотелось лично испытать этот запредельный драйв и раствориться в тотальном раскрепощении плоти и духа. В порыве бунтующего Намерения даже всерьез рисовал план по созданию собственной закрытой коммуны на местный манер — чтобы, так сказать, наладить промышленную добычу свободной энергии силами единомышленников.

И вот на этой шаткой, взрывоопасной точке взгляд намертво прилип к двум неприметным книжицам мастера Мантака Цзя, посвященным даосским секретам управления сексуальной энергией для мужчин и женщин. Хитрая даосская наука обещала не просто слепой фейерверк эмоций, а строгий, инженерный контроль над жизненной силой. После такого открытия образ индийского гуру Ошо тихо растворился в тумане, уступив место куда более основательным исследованиям.

Автор даосских трактатов на голубом глазу утверждал, что через осознанную близость можно накачать в энергетический бак просто космические объемы личной силы. Внутри мгновенно разлилось сладостное предвкушение гряду-

щих, до неприличия приятных часов с подходящей напарницей. Сердце заколотилось где-то в районе кадыка: пришло озарение, что именно этот метод подкинет в топку восприятия то самое высокооктановое топливо, без которого никак не удавалось удержать четкую картинку иного мира. Драгоценные пособия были буквально вырваны из рук ошалевшего продавца, а ноги сами понесли к ближайшему таксофону — срочно докладывать штабу.

К немалому удивлению, Милана и Михаил с видом умудренных профессоров подтвердили, что в своих семейных ячейках уже давно обкатывают эти техники и они действительно творят чудеса в плане сбора энергии. Однако, сделав поправку на мой гордый статус одиночки, старшие товарищи дипломатично посоветовали для начала освоить сольную программу.

Но гонять энергию в одиночестве по пустой комнате показалось занятием до зевоты пресным — все равно что учиться плавать в пустой ванне. Пришлось действовать по законам рынка: в местную газету улетело объявление о поиске подходящей кандидатуры для совместных изысканий. Откликов пришло с гулькин нос, но провидение все-таки подмигнуло — нашлась женщина, идеально вписавшаяся в техническое задание.

После первого же свидания началось полное погружение в марафонское, сносящее крышу, накопление сексуальной энергии. Получалось не вылезать из постели по четыре ча-

са кряду, методично переплавляя земное вожделение в чистое топливо для будущих долгих сновидений. Личный «долинный оргазм» — то самое легендарное состояние безвозвратного удержания семени на пике блаженства — длился без перерыва больше получаса. А уж то, что творилось в эти минуты с напарницей, вообще не поддается описанию сухой прозой: это нужно было наблюдать в бинокль, а прекрасной половине человечества — пробовать на собственной шкуре.

Позже спутница, с трудом переводя дух, рассказывала, что на бесконечных пиках ее сознание буквально вышвыривало из тела и забрасывало на фантастическую поляну, где колыхались миллионы невиданных цветов с дурманящим ароматом, а в вышине заливались райские птицы.

Волны восторга накрывали ее как в разгар тренировок, так и спустя долгие часы после финального свистка. В пиковые секунды партнерша начинала яростно мотать головой, а после завершения процесса к ней нельзя было прикоснуться даже мизинцем — она тут же вздрагивала всем телом, умоляя не сбивать космические потоки и дать ей досмотреть это божественное кино до титров.

Спустя месяц идиллии женщина переехала жить вместе со своими двоими детьми, но совместный быт тут же дал живописную трещину. С ее пятилетним сынишкой дипломатия провалилась на первой же минуте: в ответ на мягкое, но твердое замечание за очередную хулиганскую выходку юный сорванец развернулся, уперся взглядом прямо в глаза и с ле-

дяным прищуром матерого рецидивиста отчеканил: «А ты кто такой, чтобы меня учить?»

От такой недетской наглости пришлось буквально присесть и потерять дар речи. В итоге сожительница решила от греха подальше отвезти наследников к своим родителям в деревню, против чего никто, понятное дело, не возражал.

А еще через некоторое время боевая подруга вдруг огорошила заявлением: дескать, отныне она намерена практиковать накопление силы в гордом одиночестве, потому что в постели энергию, видите ли, теряет.

Разрыв вышел тяжелым и болезненным — за полгода успели прикипеть друг к другу кожей. Но эфемерная свободная энергия перевесила для женщины земную привязанность. Впрочем, сдается мне, за этим внезапным уходом в пустырь обыденности скрывалась совсем другая, куда более приземленная причина — о которой внимательный читатель без труда догадается сам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На очередное газетное объявление откликнулась женщина, чей двадцатилетний стаж выслеживания восприятия по кастанедовской школе вызывал неподдельное уважение — примерно как встреча с генералом разведки на пенсии. Новая знакомая сразу же, с первого взгляда, понравилась до легкой дрожи в коленках. Вообще-то высокие представи-

тельницы прекрасного пола никогда прежде не входили в сферу моих эстетических интересов: широкие плечи вечно подкидывали воображению какие-то пугающие, почти спортивно-борцовские ассоциации.

Но Лиля — так звали эту загадочную особу — оказалась соткана из совершенно иных, деликатных материй. Взору предстали хрупкие, узенькие плечики и тончайшая, почти девичья талия, от одного вида которой рассудок мгновенно срывался с тормозов. У нее имелись двое сыновей, но парни давно выросли и жили на собственной орбите, ничуть не мешая уединению. Такое тело имеют немногие даже среди девочек, так что втюрился в него нешуточно — даже завидовать можно было самому себе…

В развернувшейся следом истории таилось столько скрытых смыслов, зазеркального абсурда и мистических тайн, что не поделиться ими с читателем было бы преступлением против жанра. Оказалось, что с Лилей напрямую, без всяких посредников, контактировал обитатель параллельных миров — классический неорганический субъект, сошедший прямиком со страниц Карлоса Кастанеды.

Существо, по скромным подсчетам спутницы, насчитывало никак не меньше шести-восьми тысяч лет чистого осознания. И — только вдумайтесь в масштаб этого меж-пространственного анекдота! — древний космический аксакал безгранично, до леденящего скрежета ревновал женщину к простому смертному воину.

Своего паспортного имени лазутчик, разумеется, не раскрыл, наложив строжайшее эмбарго на любые утечки информации. В этих хрониках визитер из бездны будет проходить под оперативным псевдонимом Эмиссар. По ночам этот многотысячелетний Отелло диктовал Лиле путаные «белые стихи» — странные, лишенные всякой земной логики тексты. Ну еще бы: поболтайся несколько тысячелетий в межзвездной пустоте без выходных и отпуска, еще не такие вирши начнешь царапать на стенах чужого разума! Строчки не всегда тянули на Пушкинскую премию, но в минуты подлинного озарения выходило весьма недурно.

Укрощение чужого осознания всегда чревато риском раствориться в чужой воле, но Лиля воспринимала эти ночные радиограммы исключительно как орден «За заслуги перед Вселенной».

Наблюдать за этим межпространственным радиообменом со стороны и молча жевать попкорн было выше моих сил. Во мне мгновенно взыграло здоровое мужское самолюбие и азарт старого детектива-сталкера: раз уж древний конкурент из бездны пытается окучивать мою женщину высокими материями, нужно срочно давать асимметричный ответ и крыть его козыри собственной поэтической артиллерией! Тем более что порох в пороховницах имелся: в ранней юности баловаться рифмованной прозой доводилось и мне. Теперь же, на дрожжах регулярных энергетических практик, вдохновение открыло второй фронт, и стих полился легко,

плавно и непринужденно, как нефть из удачно пробитой скважины.

Поводов для вдохновения Лиля подкидывала предостаточно. Она имела презабавную привычку периодически исчезать с земных радаров — уходила в зазеркальный астрал на рандеву со своим восьми тысячелетним куратором, — а потом вдруг материализовалась на пороге как ни в чем не бывало, с невозмутимой миной и неизменной сигаретой в зубах. После очередного такого эпического возвращения я не выдержал и выдал ей в качестве творческого рапорта шуточный портрет с натуры:

Попугай вернулся, крылья волоча,
Вздрогнув, встрепенулся, как бы невзначай,
Вяло потянулся, молча закурил…
Грустно, но занятно: он меня забыл…

Эмиссару в его холодной пустоте до такого бытового реализма было, конечно, как до Луны пешком. Строчки у меня не всегда тянули на Пушкинскую премию и порой хромали на обе стопы, но в минуты подлинного озарения выходило весьма недурно.

Одно из более ранних и серьезных стихотворений той поры до сих пор кажется мне вполне удачным:

Я хотел сорвать цветок,

Он красив и одинок!
Жаль ошибся — от воды
Отражался свет звезды.
Эфемерное владенье,
Светом тем на удивленье
Не дается — он далек,
Как мой призрачный цветок…

Самое комичное во всей этой лирике заключалось в том, что поэтическое откровение посвящалось вовсе не Лиле. Эти строчки были буквально выстраданы ради другой женщины, в которую угораздило безответно, до полного помрачения рассудка влюбиться на самой заре пути воина.

Ради прекрасного идеала пришлось даже записаться в секцию ушу и тайцзицюань — там эта нимфа и явилась впервые во всем ослепительном блеске. Муза оказалась изящной, тонкокостной, длинноногой, но при этом миниатюрной — редчайшее, ювелирное сочетание пропорций, от которого у любого ценителя тут же срывает предохранители.

Столь специфический вкус на женскую красоту сохранился у меня до седых волос, поэтому сегодня, в почтенном возрасте, отыскать спутницу с подобной фактурой и схожими запредельными интересами — задача из разряда полета к Марсу на велосипеде. А тогда, при тренировках во Фрунзе, глаза буквально пожирали объект воздыхания. Голодный, приклеенный намертво взгляд был настолько очевиден, что

за спиной начала хихикать и шушукаться вся спортивная группа. Подойти ближе долго не хватало духу: навыки выслеживания в реальном мире еще хромали на обе ноги, да и внутри сидел застарелый, как ревматизм, комплекс.

Долгие годы жило гнетущее убеждение в собственной неказистости, зажатости и полнейшей непривлекательности для прекрасного пола. Разумеется, длинноногая газель прекрасно считывала эти безмолвные вздохи, но имела совершенно иной вкус на мужчин. За все месяцы изнурительных махов руками и ногами красавица ни разу не удостоила влюбленного искателя даже мимолетным, снисходительным взором. Позже Милана, знавшая недосягаемую музу сто лет, мягко приоткрыла глаза на истинные предпочтения гордой девицы, подтвердив худшие опасения.

Однако, видимо решив отдать развязку этой комедии на откуп капризному провидению, Милана все-таки черкнула на клочке бумаги заветный номер телефона. Набравшись наглости матерого сталкера, удалось позвонить, и посчастливилось даже однажды проникнуть в гости к прекрасной даме.

Затем потянулись бесконечные часы висения на телефонной трубке с декламацией стихов, которые суровая критик безжалостно окрестила «рифмованной прозой». Переступив порог квартиры кумира, пришло окончательное прозрение: объект грез принадлежит к породе женщин, всю жизнь мечтающих о незатейливой попсовой романтике в духе хитов про красивых, здоровенных военных.

Но отчаяние еще не до конца доело волю к победе. Во время финального телефонного раунда муза томно обронила, что находится под сильным впечатлением от жгучей поэзии латиноамериканских авторов. Внутри мгновенно щелкнул тумблер боевого азарта: «Вот он, звездный час! Сейчас мы утрем нос этим смуглым гениям!» Девице вдохновенно пообещал, что ровно через десять минут из трубки хлынет латиноамериканская страсть собственного производства, и на этом связь прервалась.

Честно говоря, за четверть часа ритм вышел слегка помятым, да и уложиться в обещанные десять минут не вышло — муза явно загуляла по пути. Но нужный эффект сработал: свежеиспеченный шедевр искренне восхитил гордую красавицу. Увы, латиноамериканская подделка ей пришлась по вкусу, а вот сам автор — увы и ах. Разбитое эго тихо уползло в темный угол зализывать раны, и на этом роман умер, так толком и не родившись.

В народе упрямо болтают, будто женщины любят исключительно ушами — наглая обывательская ложь! Как показала следственная практика, далеко не все…

Зато в отношениях с Лилей все закрутилось, как в настоящей волшебной сказке. Первое свидание удивительным образом совпало с выпадением первого пушистого снега, что в силу неисправимого романтизма тут же было занесено в протокол как великий, благословенный знак Силы.

С неорганическим монстром, ревновавшим спутницу,

развернулось настоящее поэтическое ралли — шло беспрерывное заочное соревнование, кто сложит для нее более изысканные вирши. Древний Эмиссар через сновидения честно и по-деловому предупреждал Лилю: «Брось этого смертного, от него будут одни хлопоты и тотальный перерасход энергии».

Но женщина находилась под гипнозом сильной привязанности и высокомерно пропустила мимо ушей советы эксперта из бездны. В финале нашего сталкинского романа Лиля умудрилась забеременеть, как она сказала — в один из вечеров жесткий контроль попросту испарился, произошел досадный срыв воли, и разгулявшаяся страсть выплеснула наружу колоссальный запас накопленной силы. Исходя из выводов позже из-за моей бездетности, это была явная ложь, или ее сталкинг.

Спустя некоторое время Лиля вернулась с очередного рандеву с неорганическими лазутчиками, играя бледную тень. Скрежещущим, чужим голосом она объявила, что Эмиссар в дикой ярости от случившегося конфуза и в ультимативном порядке заставил пойти на аборт, а после больницы древний ревнивец наглухо запретил ей даже приближаться ко мне на пушечный выстрел. До чего же умело она разыграла пьесу!

Лиля была сложена фантастически: без одежды ее фигура напоминала юную лесную нимфу, а грудь являлась верхом скульптурного совершенства — две остроконечные вер-

шины заснеженных гор. Стоило ей сбросить платье, как буквально подкашивались ноги и кружилась голова от чистого визуального восторга. Глядя на эти безупречные линии, невозможно было поверить, что женщина выносила и родила двоих парней. На шелковистой коже не было ни единой растяжки, а грудь оставалась упругой, как налитая мышца в покое — и это при том, что подруга дымила сигарету за сигаретой, как паровоз на подъеме!

Свое пагубное пристрастие к табаку и горячительному Лиля умудрилась превратить в изощренную форму выслеживания восприятия. Она на полном серьезе уверяла, будто яды лишь подстегивают энергетическое тело, и, глядя на нее, в эту ересь охотно верилось. В свои тридцать четыре года спутница выглядела от силы на двадцать пять.

Первенца она родила в неполные шестнадцать. Они с покойным мужем шагнули на запредельную тропу еще зелеными подростками, ради смеха, но со временем любопытство переросло в единственно возможный смысл бытия. Если бы поиск скрытых граней реальности был официальной профессией, эта парочка давно получила бы звание гроссмейстеров.

Но супруг Лили в итоге окончательно ушел на ту сторону, без остатка растворившись в неорганическом пространстве. Мужчина заранее, совершенно трезво и осознанно предупредил, что покидает плотный план, и жена при всем своем могуществе не сумела удержать его дух. Искатель шагнул

прямиком в пасть к древнему обитателю бездны, а в примитивном материальном мире врачи при вскрытии лишь растерянно развели руками, обнаружив огромную опухоль головного мозга. Самое поразительное, что при жизни у покойного ни разу даже голова не заболела! Человек просто лег спать тихим вечером, а утром плоть уже остыла…

У моего родного брата тоже обнаружилась опухоль мозга, но он уходил в мучтельных болях: голова раскалывалась каждый день, и сложнейшая операция не принесла спасения. В той трагедии не крылось никакой зазеркальной тайны — лишь сухая, безжалостная медицинская проза плотного плана.

Перед окончательным отъездом из страны до зуда и тяжести под ребрами хотелось разыскать и навестить Лилю. Но какая-то невидимая стена среды, глухой внутренний ступор не пустили вперед — так и не хватило духу решиться на этот шаг, ведь со времени разрыва утекло уже долгих десять лет.

За всю прожитую жизнь ее не с кем было даже поставить рядом — ни одна женщина, побывавшая в постели, не сумела прорасти в душу так глубоко. Те полгода с Лилей остались лучшим, самым ярким и по-настоящему живым отрезком неприкаянной жизни. Если в судьбе не грянет настоящее чудо, суждено до гробовой доски тосковать по утраченной музе.

Но внутри нет ни капли зла к ушедшей женщине. Она не виновата в своем выборе — просто на том крутом вираже пу-

ти так было проще и безопаснее для сохранности ее энергетического кокона. Воспоминания о Лиле всегда согреты щемящей, бесконечной теплотой.

Но Боже, какой же праведный гнев поднимается порой на глухого Всевышнего! На Создателя, которого никогда нельзя поймать за рукав вовремя и спросить прямо в лоб: «Как поступить? Что сделать, чтобы просто быть счастливым здесь и сейчас, и не выть потом от вечных сожалений в темноте посмертия?» — если это посмертие вообще устроено так, как его живописуют очевидцы и строгие каноны православия. Хотя в последнем обещают вместо тьмы бесконечный свет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прошло долгих семнадцать или двадцать месяцев после того болезненного разрыва. Душевные раны за это время кое-как затянулись плотной коркой обыденности, тихих вечеров и привычного расписания. Казалось, буря окончательно улеглась, но незримый мир явно решил, что пациент слишком расслабился на диване, и подготовил очередной внезапный экзамен на прочность.

К тому моменту в квартире вовсю шло мирное, почти образцово-показательное сожительство с другой женщиной. Новая спутница странным, безотчетным образом отдаленно напоминала Лилю — словно художник рисовал портрет по памяти в сумерках: общие контуры вроде бы угадывались,

но фигура была заметно приземистее, без той царской осанки, лебединой стати и зазеркальной, сбивающей с ног магии.

Плотная реальность упорно работала по схеме хитрого заведующего складом, пытаясь подсунуть вместо редкого деликатеса обычную, но сытную гречку. Рассудок честно старался притереться к уютному мещанскому быту с его кастрюлями, домашними тапочками и прогнозом погоды, надеясь обрести покой в привычных человеческих узах. Вот только Сила категорически отказывалась выписывать искателя в запас и отправлять на пенсию.

Глухой, душной ночью, посреди раскаленного летнего зноя, когда даже городские комары ленились махать крыльями и передвигались по потолку исключительно пешком, в просторной полутемной квартире внезапно взорвался резкий, бесцеремонный телефонный звонок. Старый аппарат верещал так настойчиво и пронзительно, будто звонили напрямую из небесной канцелярии с требованием немедленно сдать квартальный отчет по осознанности. Этот наглый трезвон мертвой хваткой вцепился в ускользающий сон и беспардонно выдернул сознание за шиворот из глубин неконтролируемого сновидения.

Сонная рука вслепую нащупала трубку, и в ухо ударил до боли знакомый тембр. На проводе оказалась Лиля. Голос бывшей музы звучал хмельно, скрежещуще и до неприличия игриво, мгновенно взламывая ночную тишину. Женщина лукаво, с явной зазеркальной издевкой поинтересовалась:

— Ну что, дорогой, потерял меня? А я здесь, рядом, сейчас прийду посмотреть, как сильно ты обрадуешься моему приходу в этот незабвенный час! Я пьяна немного… познакомлю тебя с моими друзьями!

Оказавшись в зажатых тисках максимально нелепой, комичной мизансцены — всклокоченный, невыспавшийся, в одних трусах посреди темной прихожей, да еще и оглушенный внезапным звонком из прошлого, — пришлось за секунду превращаться из сонного обывателя в сурового, непоколебимого воина духа. Выглядело это со стороны, надо полагать, уморительно: стоит посреди ночи грозный аскет в семейниках, надувает щеки для солидности и старается не разбудить соседей…

Ответ был выдан резко, сквозь стиснутые зубы, заговорщицким шепотом партизана в тылу врага:

— Если вздумаешь притащиться сюда посреди ночи со своими подвыпившими дружками, и дверь не открою, и даже на порог не пущу… Что-то пошло не так в моем диалоге из забытого сталкинга: сковало рассудок, выбило из колеи все принимать с легкостью, а юмор так совсем забыл пригласить на помощь в нелепой ситуации…

Но Лиля лишь томно, заливисто хохотала в трубку, устраивая показательный сеанс выслеживания на живом, сонном добровольце. Спутница прошлых лет азартно дразнила, обещая прямо сейчас высадить под окнами целую делегацию нетрезвых кастанедовцев — персонажей, которых в глаза ви-

деть не доводилось и общаться с которыми посреди ночи не тянуло от слова совсем. Она сладко мурлыкала в трубку, уверяя, что в ее веселой компании ночка выйдет незабываемой и полной удивительных открытий.

А всего в двух метрах от этого ночного радиоспектакля, мирно свернувшись калачиком под одеялом, посапывала другая женщина — пусть не столь утонченная, лишенная заснеженных горных вершин, отраженных в ее уже не очень радужных формах, но в данную конкретную минуту вполне земная, теплая и родная. В душе мгновенно поднялся девятый вал: старые чувства, многомесячная тоска и проснувшееся вожделение рвались наружу, грозя с корнем снести всю с таким трудом выстроенную тихую гавань и устроить в квартире коммунальный переполох без выходного пособия для актеров неутешительных обстоятельств. Внутри горел огонь гнева, который так тяжело было потушить, как пожар в лесу.

Однако титаническим волевым усилием удалось удержать штурвал в слегка дрожащих руках, проявить суровую мужскую твердость и с глухим стуком опустить трубку на рычаг, обрубив этот опасный зазеркальный кабель. Любые бурные эмоции в такой момент сработали бы как открытая форточка зимой — неорганические лазутчики тут же выстудили бы душу и высосали последние капли свободной энергии.

Сегодня, оглядываясь назад сквозь призму прожитых лет, немного грустно вспоминать проявленную тогда нелепость, хотя трезвый разум прекрасно понимает: ничего хорошего,

кроме новой порции боли, душевного похмелья и тотального разгрома, ее ночной набег не принес бы. Впрочем, построить нормальный, прочный человеческий быт с другими женщинами на земном плане так и не вышло — судьба с упорством строгого контролера в трамвае браковала все попытки остепениться.

Лиля просто никогда не собиралась жить со мной на этой скучной, бесцветной земле. Настоящее, острое, звенящее счастье выпадало исключительно там, в прошлом — редких, контролируемых сновидениях, при вечном сожалении об их обидной, стремительной краткости. Плотная реальность всегда сопротивлялась высшей магии духа, но без ночных побегов в бесконечность жизнь уже окончательно потеряла почти всякий вкус.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Особо запоминающимся событием стало одно из последующих сновидений в то время, когда еще меня не испугал мой батяня, и где довелось снова оказаться в родном дворе, и переступить порог родительской квартиры. Сюжет ночного приключения развернулся в уже знакомой средней проходной комнате, однако теперь вместо спящих младенцев перед взором предстали самые близкие люди — тогда еще живой отец и ныне покойная мама.

Происходящее отличалось настолько пугающей, осязае-

мой реалистичностью — вплоть до мельчайших трещинок на старых крашеных половицах, — что рассудок на секунду впал в ступор. Увидев маму, сознание напрочь забыло, что находится по ту сторону зеркала, и едва не купилось на эту безупречную иллюзию яви.

Растерявшись и смутившись от столь пронзительной зазеркальной встречи, пришлось опустить голову и невольно глянуть на собственные ладони. С виду руки выглядели вполне прилично — ничем не отличались от привычного анатомического комплекта из физической реальности.

Но вдруг, прямо на глазах, началось невообразимое безобразие: указательный и средний пальцы на правой руке решили, что им тесно в рамках стандартных гостов, и стремительно пошли в рост. Буквально за долю секунды они вытянулись почти на полметра, превратив ладонь в какие-то садовые вилы. Этот фантастический перекос картинки сработал лучше любого будильника — контролирующее сознание мгновенно включилось с ослепительной ясностью.

В уме яркой вспышкой зажглось базовое правило практики воина: чтобы не унесло в мутный бред и чтобы удерживать фиксацию внимания, необходимо смотреть на ладони. Попеременно косясь то на родителей, то на собственную руку, удалось жестко зафиксировать взор на пальцах — и вымахавшие фаланги так же послушно, словно телескопическая удочка, втянулись обратно до исчезновения.

Однако в подобные непривычные, пограничные моменты

жесткий контроль над ситуацией еще здорово хромал, что и привело к комичному сбою на стыке секунд. Под влиянием внезапного ментального короткого замыкания, совершенно неожиданно для себя, довелось выдавить из себя абсолютно дикий, достойный палаты номер шесть вопрос к маме:

— А почему у меня нет пальцев, и когда я их себе отрезал?

Сам этот абсурдный выпад нисколько не смутил сновиденное «Я» — в зазеркальном пространстве вообще быстро привыкаешь к любым метаморфозам, словно Алиса, которая уже полчаса пьет чай с Безумным Шляпником и ничему не удивляется. Зато пальцы отреагировали мгновенно: услышав подобную ересь, они тут же обиделись и снова вытянулись на полметра вперед, наглядно показав, как чутко иллюзорный мир наказывает за малейшую потерю трезвости.

Пришлось повторно включать командирский голос Намерения и наводить резкость на деформированную ладонь. Пальцы нехотя вернулись к нормальному анатомическому размеру, и надобность выяснения отпала сама собой. Втроем мы встали посреди комнаты и завели неспешную беседу.

Суть того разговора полностью выветрилась из памяти после выхода из сновиденья, но отлично помнится, как дисциплинированно и испуганно приходилось каждые пять секунд косить глазом на ладони — словно ученик, который боится потерять шпаргалку на экзамене. Страх, что накопленная энергия вот-вот кончится и сознание вышвырнет из сновидения раньше времени, держал в тонусе почище сержанта в

учебке.

Из всей беседы всплывает лишь один примечательный обрывок, когда довелось напрямую спросить родителей:

— Почему бы вам обоим не пойти в церковь?

Ответа не последовало — в комнате повисла густая тишина, а внутри зашевелилась глубокая, отрешенная мысль, что суровый и беспощадный путь толтекских воинов им попросту не по плечу: эта суровая школа сломала бы их, как сухие веточки.

Даже сейчас, спустя годы, упрямый рассудок не может до конца объяснить, почему в ту минуту не проснулось простое человеческое любопытство и не удалось расспросить маму по душам — как она очутилась здесь, в этом промежуточном пространстве, и где обитает ее душа теперь, когда физического тела больше нет среди живых?

Возможно, причина крылась в том, что в подсознании намертво прописалось кастанедовское предупреждение об эгоистичных хищниках сновидения. Неорганические сущности и легионы иных миров обожают примерять маскарадные костюмы покойных родственников. Незримые обитатели бездны устраивают эти трогательные спектакли с холодным расчетом: усыпить бдительность воина, подсунуть ему уютную иллюзию семейного чаепития, а самим в это время тихо присосаться к батарейке и откачивать нашу драгоценную энергию, перетекая из сна в сон.

Получается этакий зазеркальный бартер, густо замешан-

ный на космическом сарказме: им — калорийное ментальное топливо, нам — сладкие миражи ушедшего прошлого. Рассудок воина обязан держать ухо востро, чтобы не превратиться в бесплатную столовую для чуждого сознания.

Затем сюжет сновидения плавно потянул за собой на выход. Недолго думая, чтобы не возиться с дверными замками, пришлось шагнуть на улицу прямо через распахнутое окно большой комнаты родительской квартиры. Пройдя напрямик через газон и тенистую аллею, ноги сами остановились посреди пустой проезжей части. Оглянувшись назад, удалось увидеть потрясающую картину: родители стояли у окна, светло улыбались и прощально махали руками. Такой чистой, безмятежной идиллии и душевной гармонии между ними не доводилось наблюдать ни разу в реальной земной жизни, и этот теплый миг прощания отозвался в груди тихой радостью.

Но ровно через секунду лица близких исказились от неподдельного ужаса. Они принялись отчаянно кричать, бурно размахивать руками и тыкать пальцами мне за спину, сигнализируя о смертельной угрозе.

Обернувшись, удалось увидеть картину маслом: прямо в лоб на бешеной скорости несся колоссальный карьерный грузовик — чудовищный советский Белаз, чьи колеса были размером с добротный одноэтажный дом. Непонятно, каким ветром этого гиганта занесло из горного карьера на тихую фрунзенскую улочку, но смерть катилась в упор. Однако, к

собственному удивлению, внутри не шевельнулось ни грамма животного страха — пульс оставался ровным, как у удава после обеда.

Спокойно и выверенно оттолкнувшись от асфальта перед самым бампером ревущей махины, тело вертикально взмыло в небо, зависнув в воздухе высоко над дорогой. Глянув вниз, можно было заметить родителей: их паника мгновенно сменилась бурным восторгом, и они снова прощально покачивали руками, полностью удовлетворенные столь эффектным каскадерским трюком.

В плавном полете курс сам собой лег в сторону просторного магазина, которого в реальной топографии родного района никогда не существовало. Едва мягко приземлившись у входа, удалось шагнуть внутрь и застыть от восхищения.

Торговый зал оказался огромным, залитым изумительным, переливающимся светом. На бесконечных полках громоздились диковинные, невероятно красивые детские игрушки, от которых разбегались глаза. При виде этого сказочного изобилия сердце тут же пронзило воспоминание о дочерях, которые к тому времени уже улетели с матерью на постоянное место жительства в Германию.

Внутри поднялась мощная, разрывающая душу волна отцовской тоски. Так неистово, до боли захотелось обнять детей, что мгновенно созрел дерзкий план: лететь к ним прямо сейчас, немедленно! Ведь безграничные возможности энергетического тела в контролируемом сновидении позволяли

легко перемахнуть через моря и границы или вовсе рвануть на соседнюю планету — виза для таких перелетов не требовалась.

Но в самый ответственный момент жесткая дисциплина по выслеживанию восприятия дала обидную осечку — разум напрочь выкинул из головы золотое правило про ладони. Поддавшись хаотичному порыву земных чувств, тело непонятно зачем крутанулось на месте вокруг своей оси несколько раз подряд, как заводной волчок.

И вся декорация вокруг мгновенно пошла трещинами. Просторный зал магазина на глазах начал сжиматься, превращаясь в гигантский стеклянный купол. С его прозрачных стен бурными потоками хлынула вниз разноцветная краска — словно ее безжалостно смывали невидимые автомобильные дворники. Купол становился то ослепительно белым, то пугающе прозрачным.

Вслед за крушением декораций накатило до боли знакомое физическое ощущение: будто чья-то могучая, безликая рука бесцеремонно ухватила за шкирку и вышвырнула из пространства сновидения, словно нашкодившую кошку на холодный балкон.

Глаза распахнулись сами собой. Тело лежало на диване — абсолютно бодрое, свеженькое, без малейших следов привычной утренней лени, когда веки приходится буквально отдирать друг от друга с помощью подъемного крана. Это странное, принудительное размыкание ресниц, будто их

поднимает кто-то невидимый, каждый раз производило колоссальное впечатление, заставляя всерьез задумываться о скрытых механизмах незримого мира, который упорно держит человека на связи.

Возбуждение звенело в каждой клетке, заново прокручивая в памяти и полет сквозь потолок, и толчок перед Белазом. В те минуты казалось, что Кастанеда прав на все сто процентов и путь запредельного — единственная подлинная реальность.

Конечно, несложно представить, повторюсь, как какой-нибудь зашоренный, упрямый критик — скорее всего, закоренелый материалист со справкой от здравого смысла, — прочитав эти строки, снисходительно ухмыльнется и выпишет автору направление в профильное медицинское учреждение. Понять ограниченность обывательского рассудка легко, а вот разгадать с его помощью великую тайну бытия — задача явно не по его окладу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Холодно дома. За окном тоже далеко не курорт, и промозглая сырость упрямо просачивается сквозь стены, навевая тихое уныние. Если бывалая среднеазиатская зима во Фрунзе никогда не отличалась особыми лютыми морозами, то здесь, в Светлогорске, климатическая реальность заявляет о себе с порога и без лишних церемоний.

Просторное балтийское побережье мастерски подчеркивает зимнюю стужу леденящим, пронизывающим ветром, который при тех же самых градусах на термометре выдувает остатки душевного тепла быстрее, чем сквозняк — горячий чай. Главный же бытовой анекдот плотного плана заключается в том, что в нынешнем жилище напрочь отсутствует центральное отопление, и согреваться приходится исключительно с помощью электричества, с трепетом поглядывая на счетчик, который крутится быстрее пропеллера.

Но пора отбросить в сторону набежавшую тоску, укротить уныние, отвлечься от этой полярной экзотики и снова взяться за перо, фиксируя хронику запредельного.

В прежние годы, на самом пике яростной физической закалки, практиковался регулярный бег босиком по глубокому снегу, и сейчас в глубине души зреет робкая мысль: надо бы повторить суровый фокус и встряхнуть замерзшую плоть. Те ледяные пробежки действительно приносили колоссальное, почти магическое облегчение биологической оболочке, наглухо отпугивая проклятый грипп, умудрявшийся ранее валить с ног по шесть раз за год.

Однако нынче навалилась вязкая бытовая лень, а главное — куда-то запропастился внутренний моторчик для мобилизации воли. В абсолютном, звенящем одиночестве земное существование порой кажется пресным, как вчерашняя овсянка без соли. Хорошо еще, что спасает рукопись, дарующая сладостную иллюзию великой миссии и удерживающая

сознание на плаву. Правда, если судить непредвзято, даже творчество сейчас буксует, хотя по всем канонам выслеживания восприятия именно книга должна служить главным маяком для сбора энергии — но душная обыденность упорно пытается перетянуть одеяло на себя.

Всю былую систему закалки в свое время напрочь сбило тяжелое обострение давней болезни почек и выделительной системы, которую по собственной юношеской глупости удалось заработать во время многочасовых бдений в ледяной воде на рыбалках. Давно хотелось распрощаться с гнетущим недугом, но лечение постоянно буксовало — мешала хроническая нехватка финансов в условиях постсоветского Бишкека (Фрунзе).

Навалились мрачные мысли, а зеркало без всякого сочувствия фиксировало приметы увядания скафандра: шевелюра стремительно седела, у крыльев носа залегли глубокие складки, кожа потеряла былую упругость. Проблемы, в общем-то, самые заурядные, как и у большинства сверстников, но от осознания всеобщей помятости бытия легче не становилось.

Впрочем, хватит разводить сырость и копаться в жалости к себе, иначе подобные излияния на бумаге сделают автора похожим на брошенную, несчастную барышню, которой некому подать носовой платок.

Кстати, о прекрасной половине человечества: провидение обладает феноменальным чувством юмора, подсовывая ис-

кателям таких персонажей, которые сперва искусно прикидываются крылатыми ангелами, а при ближайшем рассмотрении оказываются настоящими бесами в юбке. Речь пойдет о реальной героине той непростой поры — об особе, прибившейся ко мне аккурат в пограничный период, между потерей несравненной Лили и сожительством с ее скромной, не слишком удачной копией.

Гражданка умудрилась отыскать меня на самом пике увлеченности кастанедовским движением и даосским совершенствованием сексуальной энергии. Она внезапно позвонила по телефону, раскопав где-то в архивных подшивках старое газетное объявление о поиске спутницы для совместных эзотерических практик.

Сама дама тоже регулярно публиковала брачные воззвания в местной прессе, но на личном фронте у нее хронически не клеилось. Видимо, кавалеры интуитивно чуяли засаду: уж больно мастерски она выдавала себя совсем не за ту, кем являлась на самом деле, а после искренне негодовала на беглецов, которые не выдерживали ее выкрутасов и с облегчением уносили ноги. Назовем эту удивительную женщину по ее главной духовной специализации — Верой.

Снова примечательный штрих к портрету: в ту пору она яростно позиционировала себя как образцовую православную христианку, а спустя несколько лет после нашего бурного разрыва благополучно перекочевала в ряды какой-то суровой секты. Как метко выразилась ее соседка, работавшая в

храме и регулярно вступавшая с Верой в словесные баталии, гражданка просто слегка не в себе и имеет явные прорехи в чердаке. Но, изучив ее характер изнутри, можно с уверенностью сказать: соседка из чистого христианского милосердия сильно по-скромничала — там цвел пышным цветом целый ботанический сад причуд.

В самом первом телефонном разговоре, вместо привычного женского «алло», Вера с места в карьер принялась взволнованно тараторить о грозящей мне смертельной опасности. Она на полном серьезе объявила, что меня заманили в лапы дьявольского учения Кастанеды, и в ультимативной форме потребовала немедленно бросить эти опасные игры.

Столь пламенный миссионерский напор здорово развеселил рассудок воина, и исследовательское любопытство перевесило осторожность, заставив согласиться на личное рандеву. По телефону Вера кокетливо божилась, что ей всего тридцать пять, однако при очной ставке на пороге материализовалась сорокатрехлетняя увядающая дама, чей благочестивый ореол начал таять быстрее весеннего снега.

Приспосабливаться к обстоятельствам и безбожно приукрашивать действительность Вера умела виртуозно, зато на словах всегда оставалась святой праведницей без единого пятнышка. Конечно, соглашаться на встречу было чистым легкомыслием, но азарт естествоиспытателя требовал продолжения банкета. Оказывается, эта добрая душа меня просто пожалела, решив вытащить за уши с кривой дорожки —

при том что до звонка знать не знала ни о моем существовании, ни о моей въедливой природе. Потрясающая, кристально чистая логика! Если следовать ее методу спасения человечества, ей полагалось скупить весь телефонный справочник Фрунзе, обзванивать мужчин по алфавиту и немедленно тащить их под венец ради спасения их заблудших душ.

Комедия набирала обороты: в рекордно короткие сроки Вера принялась настойчиво выжимать из меня обещание скорой свадьбы с обязательным венчанием в храме. В самом браке и венчании нет ничего плохого, когда между людьми горит настоящая любовь, но от новой знакомой веяло какой-то тяжелой, липкой неорганической духотой.

Однако любопытство снова победило здравый смысл, и игра с огнем продолжилась. Поначалу сценарий выглядел даже трогательно: Вера торжественно усаживалась на диван и начинала вслух читать жития святых, умудряясь одновременно заливисто хохотать и горько рыдать. Эти слезы умиления, катившиеся по щекам вперемешку с неудержимым смехом, выглядели до того экзотично и невпопад, что приходилось отпускать осторожные шутки насчет ее душевного равновесия. Вера намеки пропускала мимо ушей, так что от свадебного ультиматума приходилось отбиваться дипломатично: «Поживем — увидим; если притремся друг к другу и ты меня окончательно спасешь — тогда и обвенчаемся».

Дальнейшее общение показало, что внутренний мир спутницы трещит по всем швам, но поначалу маски еще держа-

лись. Впрочем, слетели они с треском и очень скоро.

Свою суровую праведность Вера спустила на тормозах в одно мгновение, когда без малейшего сопротивления и предварительного благословения оказалась в постели, лицемерно оправдывая этот греховный маневр тем, что весной все равно пойдет венчаться. Знакомство с даосскими сексуальными техниками привело ее в такой неописуемый восторг, что она ничтоже сумняшеся окрестила происходящее «великим даром Божьим».

Логика работала безотказно: раз эта акробатика доставляет такое головокружительное блаженство — значит, от лукавого она исходить никак не может, хотя официальные богословы явно поперхнулись бы от подобной трактовки. На пике многочасовых постельных марафонов эта тихая праведница проявляла чудеса физической ненасытности: она буквально вцеплялась мертвой хваткой, силой сдерживая мои порывы к финалу и требуя бесконечного продолжения банкета.

Ей безумно полюбился этот затяжной интим безо всякого штампа в паспорте, особенно одна хитрая позиция, после которой у нее получалось ловить волны экстаза уже в автономном режиме, просто лежа на спине в одиночестве — что искренне поражало мое воображение. Если первая партнерша, с которой тренировки длились по четыре часа, улетала в долинный экстаз от одного лишь легкого прикосновения к пальцам ног, то у Веры после часовых активных маневров начиналось какое-то автономное чудо техники.

Жили то у меня, то в ее выстуженной квартире на окраине города, где быт окончательно превратился в театр абсурда. Местная котельная безбожно экономила мазут, грея руки на замерзающих гражданах, и в комнатах стоял такой дубак, что изо рта шел пар.

Но главный цирк начинался перед сном: после вечернего душа мне вменялось в строгую обязанность возвращаться в спальню, открывая и закрывая все межкомнатные двери исключительно мизинцем правой руки — дабы, упаси небо, не испачкаться о «грязные ручки». Приходилось шествовать по ледяному коридору в позе балерины с оттопыренным мизинцем, стараясь не задеть косяк. За этой манией стерильности дверных рукояток прятался серьезный перекос ее внутреннего кокона. Внутри все закипало, и до зуда в зубах хотелось гаркнуть на всю квартиру: «Да не проще ли тебе один раз взять тряпку и по-человечески отмыть эти злосчастные двери?!» Но приходилось прикусывать язык — бытовой дурдом все еще воспринимался как увлекательный полевой эксперимент.

Чуть позже Вера, припугнув меня страшными карами небесными, все-таки насильно вручила мне Библию. Рассудив, что прочесть Книгу книг для расширения кругозора и понимания скрытых пружин этого мира вполне полезно, удалось удобно устроиться за чтением.

Однако, добравшись в Ветхом Завете до исхода евреев из Египта, рассудок пережил настоящий шок. Черным по бе-

лому там описывалось, как Бог приказал избранному народу под корень вырезать коренное население обетованных земель — тех самых, где обещались молочные реки и кисельные берега.

Лютой смерти подлежали абсолютно все без разбора: младенцы, дети, старики, женщины и даже ни в чем не повинная домашняя скотина. Допустим, местные жители погрязли в разврате, превратившись в единое сборище насильников и жертв. Уничтожение насильников суровый ум воина еще мог понять, но беззащитных младенцев-то за что?!

Обостренное чувство справедливости и органическое неприятие жестокости взорвались изнутри, ярость перехватила горло, а на глазах выступили слезы от жалости к несчастным малюткам, которых рубили на куски, пока ушлые военачальники оставляли красивых девиц себе в качестве трофеев.

В порыве дикого, праведного гнева книга со всей силы полетела бы на пол — так и подмывало растоптать ее ногами! Ярость вырывалась наружу горькими упреками в адрес Саваофа — такого грозного верховного начальника, который только и умеет метать молнии с облаков да чужими руками зачищать то, что сам недоглядел при проектировании мира. Сдержаться удалось чудом: бумага и переплет ни в чем не виноваты, виноват кто-то другой, чью природу пришлось постигать своим умом, а не по удобным шпаргалкам хитрых толкователей. Вера тут же грудью бросилась на защиту древ-

них расправ.

Улегшись в постель после этой ситуации, я попытался расслабиться и уйти в медитацию, так как все равно перекроить устройство мироздания в одиночку не выйдет. И едва начал расслабляться, как сознание с колоссальным, чудовищным ускорением провалилось куда-то вниз, как редко бывает при засыпании у меня.

Обычно подобное ощущение падения с резким вздрагиванием случается после тяжелого трудового дня, но в этот раз провал оказался бесконечным, и никакое вздрагивание не срабатывало, как это обычно происходило. Сознание уносило вниз со скоростью падающего лифта, словно выдирая душу из биологического скафандра. Возникло четкое, физическое ощущение, что две могучие невидимые фигуры крепко подхватили меня под мышки и деловито тащат на самое дно преисподней.

В ту пору знаменитый фильм «Привидение», где темные тени утаскивают грешников в ад, еще не вышел на экраны, так что сравнить этот кошмар было не с чем. Попытки разлепить веки или пошевелить хотя бы пальцем провалились с треском — тело сковал тотальный паралич. Праведный гнев в голове сцепился с любопытством, полет с перегрузками напоминал взлет сверхзвукового истребителя, но вскоре в черепной коробке невозмутимым, ледяным баритоном прозвучал жуткий вердикт: «Послушай, парень, а ведь ты умер!».

Животный ужас мгновенно пробил потолок, перерастая в

чистую панику. В этой ледяной пустоте старые волевые приемы возврата не работали вообще, а неумолимое зазеркальное время уносило сознание все глубже в тупик.

Когда паника окончательно затопила остатки любопытства, память в отчаянии выбросила спасательный круг из Калининграда 1995 года. Тогда предстоял обратный перелет во Фрунзе к отцу, ушедшему в глубокий запой после семейного переезда. На прощание сестра научила простой защитной молитве: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь». В кармане тогда лежала честно заработанная тысяча долларов, из-за которой в лихие девяностые чуть не лишился пальца, и заветные слова приходилось твердить всю дорогу ради сохранности жизни и капитала.

И вот теперь, летя на всех парах в бездну, пришлось в жуткой спешке мысленно читать эту молитву, осеняя крестным знамением свое несуществующее в том пространстве тело.

Едва мысленный взор закончил крест на левом плече и прозвучало «аминь», глаза распахнулись сами собой — словно сработала катапульта! Накатила волна такого облегчения, будто только что вынырнул из ледяной проруби в теплую баню.

Разум горел любопытством, сколько же земных минут длилась эта командировка на тот свет, и пришлось во всех подробностях вывалить отчет о приключении Вере. Но боевая подруга, вместо сочувствия или анализа, принялась злорадно потирать руки и вещать тоном пророчицы: «Я же тебе

говорила, говорила!»

Впрочем, сворачивать экспедицию в неизведанное было еще рановато — время для настоящих открытий только начиналось. Нам и всем неравнодушным искателям запредельного отпущен свой срок, чтобы докопаться до скрытых пружин бытия и не уйти с этой планеты с чувством, что самое интересное прошло мимо. Впереди ждало еще немало чудес, поверить в которые с первого раза непросто, но истина всегда открывается тому, кто упрямо стучится в закрытую дверь.

Добавлю лишь для техники безопасности: не стоит лезть в незримые сферы тем, кто мечтает приспособить тайные знания под личный кошелек и мелкую корысть. К счастью и свободе духа подобные коммерческие сделки с совестью точно не приведут — Зазеркалье не принимает взятки и сурово щелкает по носу за жадность, требуя от воина безупречности.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В текущий период наступило временное затишье в череде невероятных чудес — если не считать одного любопытного полтергейстного казуса, повторившегося недавно здесь, на балтийском побережье. Точно такое же скрытое хулиганство когда-то будоражило будни в родном Фрунзе, о деталях которого поведаю чуть позже.

Однако полноценного диалога с незримой силой в Светлогорске не вышло. То ли местный залетный полтергейст попался слишком туповатый и неопытный, то ли неведомые кураторы нарочно путают следы, то ли включились хитрые зазеркальные глушилки, мешающие нормальному выслеживанию восприятия.

Целеустремленная, полная погруженность в книгу и практики напоминает чистое удовольствие — особенно на фоне унылой, высушивающей душу рутины, которой приходилось заниматься в прошлой семейной жизни. Воспоминания о бесцельном двенадцатилетнем браке без взаимных чувств до сих пор способны вогнать рассудок в тоску. Накатывает горькая жалость о потерянных годах ранней юности и безвозвратно ушедшей молодости, спущенных в трубу ради чужого эгоизма. Впрочем, довольно о грустном — лучше заглянуть в архив тех воспоминаний, которые с треском выламываются из серого плена обыденности. Память хранит одно контролируемое сновидение, поражающее своим парадоксальным размахом.

Сюжет развернулся ранним утром. Сознание привычно очнулось на диване в пустой квартире — к описываемому моменту в жизни установилось прочное, вынужденное одиночество. Едва разомкнув веки, строго по боевому распорядку дня пришлось упрямо твердить себе, пристально глядя на ладони, заветную мантру: «Нахожусь в сновидении, смотрю на руки». Эту нехитрую установку необходимо кру-

тить внутри черепной коробки на протяжении всего бодрствования, если всерьез рассчитываешь раскусить иллюзорность ночного пространства.

Ранее уже упоминался базовый механизм контроля в сновидении. Весь фокус в том, что за счет многократного, доведенного до автоматизма повторения контрольной фразы в повседневной жизни привычка пялиться на собственные руки переезжает и в ночные миры. Когда навык окончательно вызревает, внутри сонного марева воля выдает знакомую команду — и в секунду сонастройки датчиков начинаются чудеса высшего пилотажа.

Лежа на подушке, отдаю четкий мысленный приказ: «Нахожусь в сновидении. Первым делом — полет. Взлетаю». С детства обожаю летать — но не в тесном салоне пассажирского лайнера под гул турбин, а совершенно налегке, свободно паря над землей, как случалось в далеком детстве, когда, по уверению стариков, ребенок растет во сне. Правда, всем законопослушным обитателям земли прекрасно известно: самовольные полеты на этом свете категорически запрещены уголовным кодексом физики. Одним гражданам для отрыва от асфальта требуется дорогой летательный аппарат, а другим — многолетний магический ритуал.

Однако чистое Намерение плюет на гравитацию: тело плавно отрывается от дивана и взмывает под потолок прямо вместе с тяжелым ватным одеялом. Картина, надо полагать, со стороны открывалась феерическая — этакий левитирую-

щий сугроб с головой! Устроившись в воздухе в позе лотоса, начинаю плавно нарезать круги против часовой стрелки вдоль стен комнаты. Сделав почетный вираж, возвращаюсь на исходную позицию, мягко приземляюсь обратно на диван и застываю в полном обалдении. Точнее, трезвый рассудок наотрез отказывается верить собственным глазам и осязаемым ощущениям, глядя на проснувшееся сознание с крайним подозрением.

И правильно делает: прагматичный ум воина обязан соображать, что летать в позе лотоса по квартире в плотной реальности невозможно — стало быть, остается единственный вариант: контролируемое сновидение. Но верить в иллюзорность происходящего категорически не хотелось, уж больно убедительно выглядела декорация. Взору открылась ровно та же комната, что и накануне: проснулся, сладко потянулся, привычно протер кулаками глаза, размял затекшую спину, присел на край — и только потом выдал команду на вертикальный старт.

Чтобы окончательно добить сомнения и точно определить свои координаты, со всей дури ущипнул себя за руку. Боль полыхнула самая натуральная, хоть кричи, но из пространства сна сознание даже не подумало вылетать. Поразительно трудно сопоставлять жесткую явь со сновиденной средой — каждый раз диву даешься фокусам, которые не влезают ни в какие рамки привычного здравого смысла. Когда свято уверен, что находишься в физическом бодрствовании, подоб-

ные полеты под люстрой наглядно доказывают обратное.

В уме тут же рождается пара любопытных версий, зачем зазеркальному театру генерировать столь дотошную копию быта. Возможно, незримые силы целенаправленно приучали сознание воспринимать контролируемые сновидения как полноценную реальность. Либо Высшая Администрация загодя тренировала психику перед встречей с чудесами в грядущей действительности. Кто знает, по каким правилам Творец играет с нами в эти космические прятки…

Один из соратников по кастанедовскому движению рассказывал о похожей зазеркальной ловушке, подробности которой заслуживают отдельного протокола. Как-то раз товарищ проснулся утром, совершил привычный моцион в ванной, неспешно позавтракал, натянул уличную одежду и бодро зашагал на работу. Но, не доходя пары метров до проходной, искатель запредельного внезапно растворяется в воздухе и… снова открывает глаза дома в собственной постели!

Этот издевательский цикл прокрутился сорок раз подряд, превратив утро в точную копию фильма «День сурка», отчего бедолага всерьез заволновался за сохранность собственного чердака. На сороковой заход бедняге уже до судорог, до зубного скрежета захотелось вырваться в обычное бодрствование. Посудите сами: мало найдется мазохистов, готовых по сорок раз за утро чистить зубы, завязывать шнурки и уныло плестись на опостылевшую работу! Товарищ отлично понимал, что его точка сборки съехала с рельсов и никак

не может защелкнуться в привычном положении. Сделать он ничего не мог, застряв в ментальной петле времени. По всей вероятности, когда избыточный запас накопленной энергии наконец выгорел, восприятие послушно вернулось на место. Впрочем, это лишь догадка: сам соратник так и не раскололся, какие именно волевые маневры предпринял ради спасения. Да и не преполпгалось в ту пору, что на склоне лет доведется взяться за книгу, а то бы непременно состоялся допрос с пристрастием.

После окончательного осознания своего зазеркального статуса, стремительно соскочив с дивана, бегом направляюсь к окну родительской квартиры. Одним резким движением отдергиваю плотную штору и всматриваюсь в ночную улицу. За стеклом тускло горит уличный фонарь, силясь пробить предрассветный сумрак. На часах раннее утро, чуть сереет небо, за ночь на асфальт лег свежий пушистый снег, и вокруг не видно ни одной живой души.

В памяти тут же всплывает конкретная боевая задача на это сновидение, тщательно отрепетированная еще в физической реальности. Цель состояла в том, чтобы осознанно пройти сквозь твердую стену и зафиксировать малейшие тактильные нюансы контакта. Решительно подойдя к межкомнатной перегородке, прикладываю ладонь: поверхность оказывается ледяной и абсолютно монолитной, как добрый советский кирпич.

Рассудок на миг царапает недоумение: с какой стати пре-

града остается железобетонной даже внутри сна, блокируя проход? Совершенно непонятно, как таранить кирпич-сырец и штукатурку лбом. Но, собрав Намерение в тугой кулак, с усилием надавливаю ладонью на плоскость — и вдруг твердая материя сдается, мгновенно теряя плотность! Кисть и предплечье медленно, словно погружаясь в густой холодный кисель, уходят внутрь стены почти по самый локоть.

Наблюдая эту метаморфозу воочию, от звенящего восторга перехватывает дыхание. Каждой клеточкой кожи ощущается потусторонний холод бетона, находящегося прямо внутри живой плоти — фантастическое, ни с чем не сравнимое слияние тканей тела и строительного материала. Ощущение невероятное, грандиозное, но совсем не похожее на знаменитую эстрадную миниатюру юмориста Петросяна про вешалку, забытую в пиджаке. Помните, как его герой вещал с трибуны пламенную речь, в ужасе косясь на собственное плечо: «Да что это у меня там такое?!»

Здесь шутки отходили на второй план: Сила демонстрировала чистую магию запредельного. Решившись на полноценный прорыв прямиком в смежную квартиру к соседям, делаю уверенный шаг вперед. Но в ту самую секунду, когда тело замерло ровно наполовину в чужой жилплощади, голову пронзает внезапная, отрезвляющая мысль воина: «Позвольте, если я торчу здесь и так осязаемо чувствую соседские обои, то кто же тогда остался лежать в пустой комнате на диване? Ведь это сновидение, а физический скафандр спит

там. Надо срочно провести инвентаризацию!»

Сделав шаг назад сквозь послушную материю стены — в осознанных снах вообще быстро привыкаешь к фокусам уровня Дэвида Копперфильда — торопливо возвращаюсь к дивану. Взору открывается занятная картина: на постели действительно кто-то мирно дрыхнет, отвернувшись носом к обоям. Абсолютно забыв, что только что поднялся с дивана, следую сновиденному сценарию. В голове пульсирует шальная догадка: «Неужели это видение себя со стороны?» С замиранием сердца откидываю край одеяла, заглядываю в лицо спящему и… застываю в полном столбняке, узнавая двоюродного брата Володю! Братишка в ту пору был еще жив на земле, но безбожно закладывал за воротник где придется и что придется — лишь бы в жидкости присутствовал градус.

Обалдев от столь нелепой мизансцены, растерянно спрашиваю у спящего фантома, каким ветром его занесло в наглухо запертую квартиру. Совершенно неясно, зачем с языка сорвался этот дурацкий бытовой вопрос, но зазеркальный театр захватывает с потрохами, заставляя забыть о строгой дисциплине восприятия. А из пространства сна, как известно, безжалостно вышвыривает ровно в ту секунду, когда выгорает запас накопленной свободной энергии. Ответить Володя не успевает, потому что в комнату бесшумно входит старший брат, к описываемому моменту уже покойный.

Внимание мгновенно переключается на вошедшего мертвеца, стирая из головы предыдущие расспросы. Мы замира-

ем друг напротив друга, сцепляясь тяжелыми, немигающими взглядами, и долгое время не произносим ни звука. По всем правилам выслеживания следовало бы давно выработать иммунитет к таким резким поворотам сюжета, но укротить бунтующий рассудок никак не удавалось. В эти леденящие секунды тело оказалось намертво сковано глухим оцепенением. По нормальной человеческой логике полагалось бы обрадоваться встрече с братом и броситься ему на шею, но его расширенные зрачки излучали зловещий, потусторонний холод и полное отчуждение.

Спустя минуту Сила бесцеремонно выдернула сознание обратно в сухую реальность плотного плана. Очутившись на диване, глаза распахнулись как обычно сами собой — тело было абсолютно бодрым и заряженным, словно после многочасовой прогулки.

Рассудок снова увяз в глубоких размышлениях о том, насколько близко контролируемое сновидение способно подобраться к яви, если даже опытное сознание не смогло отличить подделку от оригинала. Пережитый излом шокировал уже на земле, хотя внутри сна казался чем-то само собой разумеющимся. Поднявшись с дивана, подхожу к окну, точно так же отдергиваю штору и точно так же вглядываюсь в улицу.

Единственная колоссальная разница бросилась в глаза мгновенно: за стеклом не было ни единой снежинки, поскольку на дворе стояла бесснежная, унылая осень. Этот наг-

лый климатический подлог сразу выдал ночную режиссуру, но в остальном совпадение деталей интерьера оставалось пугающим до дрожи. Поразившись ювелирной работе незримого мира, перевожу дух и… снова упрямо принимаюсь за упражнения.

Сейчас мелькнула четкая мысль: за фразу про самостоятельное размыкание век непременно ухватится какой-нибудь недоброжелательный критик — скорее всего, прожженный атеист и материалист до мозга костей. Скептик с радостью выставит автору разгромный диагноз, списав ночные полеты на галлюцинации, сквозняк или острый дефицит витаминов. Понять ограниченность обывательского ума, прикрывающегося фанерным щитом от бездны, вполне можно, а вот разгадать с его помощью великую тайну бытия — задача явно не по его окладу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Придется вновь вернуться к незаслуженно забытому образу православной подвижницы Веры. Судьба распорядилась так, что вместо долгожданной весенней свадьбы и торжественного венчания под сводами храма последовал окончательный, закономерный разрыв — дабы отпущенное провидением время не утекало в песок.

За период вынужденного общения всплыло слишком много мрачных тайн ее изломанной психики, официальной

печатью на которых стало последующее известие о постановке гражданки на строгий учет в психоневрологическом диспансере. К списку заслуг добавился и живописный факт ее грехопадения с моим новым приятелем. Товарищ с энтузиазмом принял своеобразную эстафетную палочку вслед за первым любовником, к которому ранее благополучно упорхнула бывшая супруга. Известие о предательстве вызвало глухую, тошнотворную гадливость к обоим фигурантам — особенно когда из самого приятеля фонтаном хлынули пикантные подробности, с сутью которых читатель уже успел ознакомиться на страницах хроник.

Гораздо позже расставания, спустя добрых семь лет, аккурат перед своим эпическим физическим нападением на автора строк и еще одну юную героиню повести, Вера лично и с нескрываемым злорадством подтвердила факт той измены. На протяжении нескольких лет она с упорством дятла изводила телефонными звонками, изрыгая из трубки изощренные угрозы расправы.

Коварная дама годами вынашивала план вендетты, достойный графа Монте-Кристо, но Сила долго не подкидывала ей удобного случая для атаки — вплоть до рокового весеннего дня, который буквально пустил меня по миру. Долгожданный звездный час пробил для нее два с половиной года назад, обернувшись грандиозным крахом, когда над головой всерьез замаячила тюремная решетка.

Развязка настигла посреди ленивой прогулки по зеленым

аллеям в компании молоденькой гражданской супруги — из-за связи с которой, к слову, существовал нешуточный риск загреметь за решётку гораздо раньше. Казенный дом словно объявил на меня персональную охоту, расставляя капканы на каждом жизненном перекрестке.

В те дни рассудок пребывал в глубочайшем разочаровании от земного бытия, балансируя на самой кромке отчаяния. На плечи свалился целый вагон тяжелых реальных проблем, порождая острое желание немедленно эвакуироваться из плотного плана куда-нибудь в пространства, наполненные чистым эфиром без подлости, лжи и мелочной грязи.

Картину усугублял и тот факт, что юная избранница находилась на девятом месяце беременности, но вопрос отцовства оставался покрыт густым туманом, и точный ответ, чей именно наследник томится в утробе, в природе отсутствовал. Мрачное уныние выедало остатки свободной энергии. Любимая весна больше не радовала, а недавнее сорокапятилетие лишь подчеркивало унылое прозябание на киргизской земле. Глухая тоска наглухо перекрывала былые восторги от мира толтекских видящих, а духовное утешение казалось недосягаемым: заунывные будни тянулись словно вечность, тогда как счастливые контролируемые сновидения пролетали за одно мгновение.

Мысли пестрели хаотичными красками под стать расцветающему весеннему бульвару, как вдруг навстречу, словно из-под земли, вынырнула сама виновница грядущего кошма-

ра — настоящая духовная кикимора, от одного вида которой захотелось немедленно испариться. Вера прошествовала мимо с каменным лицом шпиона под прикрытием, искусно сделав вид, будто в упор не узнает старого знакомого.

Рассудок совершил непростительную для воина оплошность: боевая бдительность мгновенно улетучилась, уступив место облегченному вздоху. Зная ее взрывной темперамент, буйный нрав и редкостную стервозность, полагалось бы немедленно совершить тактическое отступление в ближайшие кусты, но шаг лишь слегка замедлился. Наивно думалось, будто вид глубоко беременной спутницы остудит пыл фанатички. К тому же особа больше года не подавала признаков жизни, поскольку ранее удалось чужими руками пустить слух о моем переезде в другой город — но случайная встреча на аллее пустила под откос всю конспирацию.

Продолжая неспешный променад, удалось проводить взглядом удаляющуюся фигуру Веры на безопасное расстояние, в сторону автобусной остановки по направлению к ее дому. Окончательно выдохнув, предложил присесть на деревянную скамейку своей перманентной головной боли — гражданской жене Марусе.

Избранница представляла собой создание некрасивое, эгоистичное (впрочем, вполне под стать автору), происходила из глубоко неблагополучной среды, имела за плечами пугающий послужной список и отличалась такой феноменальной ленью, перед которой меркли все остальные пороки.

Перечень ее недостатков казался бесконечным, лишний раз подтверждая народную мудрость о том, что любовь зла.

Однако имелись у Маруси и весомые козыри: цветущая юность — ей едва исполнилось пол года назад семнадцать против моих сорока пяти — и абсолютная, раскрепощенная до безобразия свобода в постели, приводившая в полный восторг во время уединения. Раздражало лишь ее легкомысленное порхание вокруг посторонних мужчин. Горько сознавать, что к подобной модели поведения девочку с раннего детства приучили собственный отчим и умственно отсталый родной брат, о чудовищных преступлениях которых довелось узнать слишком поздно. Первый изверг принудил ребенка к сожительству еще в одиннадцать лет. Дико и страшно об этом думать, но со временем у надломленной психики сработал защитный сдвиг, и Марусе даже начал нравиться процесс с этим физическим и моральным уродом, годившимся ей в праотцы.

Трагическая повесть ее сломанного детства тянет на отдельный тяжелый роман или сценарий психологической драмы, но в ту минуту мы просто мирно сидели на скамейке бульвара, любуясь молодой листвой. И вдруг весенняя идиллия взорвалась: боковое зрение зафиксировало стремительное возвращение Веры, шагавшей обратно с видом крейсера, вышедшего на боевой курс для потопления заклятого врага.

Разъяренная фурия, высматривая цель, замешкалась на долю секунды, а затем хитрыми противолодочными зигзага-

ми пошла на таран. Пока она петляющей траекторией приближалась к скамье, сердце воина без всякого пафоса ухнуло куда-то в район пяток, безошибочно чуя приближение стихийного бедствия. Предчувствие не обмануло. Не успел рассудок мобилизовать Намерение, как Вера с душераздирающим боевым кличем: «Ты что мне звонишь?!» — со всей молодецкой дури обрушила на мою голову увесистую дорожную сумку.

В момент прилета снаряда в голове мелькнула спасительная гипотеза: быть может, у дамы окончательно сбился прицел, и она просто перепутала меня с кем-то из своих свежих воздыхателей, безуспешно пытающихся утолить ее неуемный темперамент? Поскольку звонки в ее адрес прекратились много лет назад, в душе теплилась слабая надежда на банальную ошибку адресата.

В первые месяцы после расставания Вера буквально за терроризировала телефонными атаками, достав даже мою квартирантку-мусульманку Дулю и пообещав расправиться и с ней. И вот долгожданное возмездие рухнуло сверху. Праведный гнев нападающей подкреплялся столь сногсшибательным, абсурдным обвинением, что едва не треснула черепная коробка. Спасла старая боксерская школа юности: рука на рефлексе взлетела вверх, приняв сокрушительный удар баула на предплечье. Конечность уцелела, защищенная плотной курткой. Как выяснилось позднее, внутри боевой сумки покоилась бутылка в мягкой пластиковой таре —

стеклянную Вера пускать в дело пожалела, рассудив по-хозяйски, что бить дорогую емкость о чужую голову расточительно при ее вечном безденежье.

Увы, в критическую секунду человеческая глупость на лихом коне затоптала трезвый ум воина, заставив ввязаться в бессмысленную словесную перепалку. Вместо изящного сталкинского уклонения из горла вырвались жалкие, примитивные оправдания:

— Да не звонил я тебе, сто лет как забыл про твое существование, отстань от меня!

Дипломатическая речь сработала как канистра бензина, плеснутая в костер: дорожная сумка немедленно пошла на второй заход в район макушки. Пришлось подскочить со скамьи и применить грубую физическую силу, резко отталкивая разбушевавшуюся амазонку подальше от себя и Маруси Гражданская жена перепугалась до полусмерти и замерла тихой мышкой, уставившись на фурию глазами испуганного кролика перед удавом. Маруся выглядела в ту секунду маленькой, растолстевшей дурнушкой, покорно ждущей своей очереди на экзекуцию.

А Вера напоминала разъяренную львицу с повадками кобры, мечтающую задушить и проглотить соперников целиком. Мои неуклюжие оправдания окончательно сорвали у нее резьбу: сумка показалась слишком гуманным аргументом, раз противник еще стоит на ногах и смеет возражать, поэтому в бой пошла тяжелая немодная обувь. Снимать бо-

тинки она явно не собиралась, яростно молотя ногами по воздуху и горько сожалея, что конечности принадлежат ей, а не штатному вышибале.

Увернувшись пару раз от увесистых подошв, удалось почувствовать, как внутри закипает холодная, неистовая ярость воина. Она Сделав пугающую гримасу и пальцами обеих рук, пришлось нанести резкий, но ювелирно дозированный отрезвляющий тычок в область ее ключиц, рявкнув: «Отойди, а то убью!» Атака захлебнулась. Единственным оправданием этой вспышки служил леденящий факт: в разгар потасовки мстительница, ткнув пальцем в огромный живот Маруси, прошипела страшные слова: «Сейчас я убью этого ублюдка!», подойдя к ней близко, с предварительными несмелыми пинками, но еще не попадая в цель.

Получив чувствительный отпор, от которого очки Веры лихо съехали на ухо, нападающая поправила оправу, мгновенно обрела олимпийское спокойствие и выдала леденящую финальную реплику: «А вот этого я тебе никогда не прощу!» Одарив нас испепеляющим взором, дама вальяжно развернулась и прошествовала к соседней скамейке, где отдыхала молодая киргизская семья, ставшая невольным зрителем этого уличного спектакля.

Около пятнадцати минут Вера с вдохновением заслуженной артистки изливала им свою душещипательную, насквозь лживую версию событий, после чего гордо удалилась, даже не обернувшись. Маруся умоляла немедленно сделать ноги с

бульвара, но тревожное предчувствие подсказывало: за спиной только что разверзся омут колоссальных неприятностей. Необходимо было подойти к киргизской паре и изложить реальную картину боя, предъявив спутницу в качестве живого свидетеля.

Однако молодой глава семейства наотрез отказался слушать какие-либо доводы, безоговорочно встав на сторону «несчастной» избитой женщины, которая так убедительно рыдала о вероломном нападении. Предвзятость этого зрителя сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе. Из-за его ложных показаний автора хроник фактически пустили по миру, вынудив за бесценок сбросить две собственные квартиры ради спасения от тюремных нар. Пять лет назад, когда Вера еще лелеяла надежду охомутать искателя, она в телефонных монологах клялась надолго упрятать мое бренное тело за решетку — и майский инцидент на бульваре стал ее триумфальным звездным часом. План мести мариновался долгие годы.

Спустя две недели, когда уличный кошмар начал понемногу стираться из памяти, на пороге квартиры материализовался участковый инспектор, вручив официальную повестку о начале тотального крушения. В заявлении Рыжковой черным по белому значилось нанесение умышленных телесных повреждений средней тяжести, что солидно подкреплялось актом судебно-медицинской экспертизы.

Месть обернулась настоящей катастрофой. На плечи да-

вил огромный узел проблем, завязанный вокруг недвижимости и грядущего пополнения, зачатие которого произошло при весьма сомнительных обстоятельствах. В период нашей временной размолвки Маруся в хмельном угаре переспала со школьным приятелем, а затем еще Бог весть с кем — о чем позднее проболталась ее собственная мать, высказав резонное подозрение, что дочь ждет ребенка от заезжего киргиза. Вскрыть эти подробности удалось слишком поздно, когда петля закона уже туго затягивалась на шее.

Гражданин начальник из опорного пункта прозрачно намекал на необходимость солидного денежного вливания, но доверия к заезжему участковому не было ни на грош. Отказавшись платить вымогателю, едва не удалось наломать роковых дров, способных лишить не только крыши над головой, но и свободы. В голове всплывали мрачные кадры из местных теленовостей о суровых буднях киргизских тюрем. Перспектива оказаться в переполненной камере в условиях свирепого национализма, где из каждого угла тянет туберкулезом и прочими смертельными прелестями, вызывала леденящую панику.

Если бы к делу пришили еще и связь с несовершеннолетней — ведь мать Маруси в пору нашей былой вражды наотрез отказалась забирать заявление из милиции, — живым из застенков выйти бы не удалось, и бренная плоть сгинула бы без всякой криминальной вины, как гибнут тысячи бедолаг даже в самых цивилизованных странах. Марусе стоит от-

дать должное: девчонка бесстрашно отправилась со мной в опорный пункт и костьми легла, не позволив запереть меня на ночь в обезьянник, один вид которого навевал смертную тоску.

Оборотни в погонах настойчиво требовали двести долларов за закрытие уголовного дела, но упрямый язык твердил о полной невиновности. Однако медицинская бумага выглядела железобетонно: у Веры официально зафиксировали сотрясение мозга и следы побоев. Увечья она гарантированно успела собрать в совсем другом месте и задолго до потасовки, а сотрясение мозга у нее, судя по всему, наблюдалось с момента рождения. Откуда там вообще взяться серому веществу, если в заявлении она умудрилась настрочить тонны фантастической, безудержной лжи, которую послушно заверили подписями ангажированные свидетели? По ее художественной версии, мой толчок обладал такой сверхзвуковой мощью, что бедняжка взмыла в воздух и получала многочисленные увечья прямо в полете над асфальтом, пока методично избивалось ее парящее тело.

От праведного возмущения перехватывало дыхание, Маруся истошно кричала, что весь этот протокол — чистая сказка братьев Гримм, но беременную девчонку грубо осадили, заявив, что без законных родителей ее писки к делу не подошьешь. Если поначалу хотелось гордо требовать открытого судебного разбирательства, то в стенах опорного пункта романтические иллюзии испарились без следа. От немед-

ленного ареста спасло лишь два счастливых обстоятельства: сама Вера наотрез отказалась явиться на очную ставку, а в ее медицинской карте красовалась официальная справка о хроническом психическом недуге. В итоге отпустили под подписку о невыезде, а поистине королевским подарком судьбы стало то, что аккурат в те дни правительство объявило всеобщую амнистию.

Пережитый кошмар был начисто лишен эзотерического ореола, но подсознательно намертво сплелся с практиками: суровый триллер разворачивался наяву, однако сознанию казалось, будто оно застряло внутри затянувшегося дурного сна, из которого никак не удается проснуться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Прошу прощения за внезапную смену декораций и разрыв последовательного сюжета, но сегодня, аккурат в праздничное утро Восьмого марта, довелось подскочить с кровати задолго до будильника. Причиной столь раннего подъема стал странный, врезавшийся в сознание сон, из которого буквально вышвырнуло пробкой наружу — точь-в-точь как в старые добрые времена, когда незримая сила выкидывала из пространства контролируемых сновидений.

Хотя со времен интенсивных практик по Кастанеде утекло уже немало воды, а ежедневные упражнения давно пылятся на полке, случившийся ночной казус заставил искренне по-

чесать в затылке. Даже на пике регулярных тренировок редко выпадали столь детализированные картины, где сознание балансирует на тончайшем лезвии: одновременно понимаешь, что спишь, и при этом осязаешь мир с пугающей, стопроцентной плотностью яви.

Продолжительность этой зазеркальной командировки оказалась настолько внушительной, словно за одну ночь удалось прожить добрый кусок полноценного земного века. Почему же трезвый рассудок записывает увиденное именно в графу обычных снов, а не в почетный реестр осознанных сновидений?

Разгадка проста: рядовой сон всегда грешит туманностью, хаотичными скачками кадров и рваным монтажом — словно киномеханик уснул за пультом и перепутал бобины. Однако минувшей ночью в черепной коробке прокрутили кристально четкий, высокобюджетный блокбастер то ли из разряда киберпанка, то ли из мрачной хроники чуждого, техногенного мира.

Сюжет крутился вокруг колоссального суперкомпьютера, чьи микропроцессоры без всякого наркоза вживляли прямо в человеческие тела, превращая граждан в послушных биологических роботов. Несчастные подопытные начисто лишались искры свободы духа, превращаясь в бездушные деревянные пешки, которые невидимая рука передвигает по глобальной шахматной доске бытия.

Обычно земные ночные мультики бесследно испаряются,

стоит только разлепить ресницы и потянуться за тапочками. Но эта ночная антиутопия впечаталась в память до мельчайших винтиков — не хуже лучшего опыта видящих. Существенная разница проявилась лишь при пробуждении: тело сковала привычная, вязкая утренняя лень, начисто лишенная звенящей бодрости и кристального Намерения.

Контроль над ситуацией внутри сна отсутствовал полностью, а сверхспособности энергетического тела остались под замком. Вероятно, этот ночной спецпоказ про суперкомпьютер был организован Высшей Администрацией специально к празднику — чтобы поставить жирную точку в вечном сравнении простого сна с настоящим сновидением. А заодно эта зазеркальная подсказка помогла разложить по полочкам тяжелую житейскую драму, повествование о которой оборвалось на пороге милицейского участка — и теперь готово рвануть с места в карьер.

Итак, после изнурительного ночного бдения в опорном пункте, оборотни в погонах милостиво отпустили меня на волю под подписку о невыезде. Вывалившись с Марусей из дверей участка в прескверном настроении и с ощущением, будто по нам проехался асфальтоукладчик, мы двинулись домой под аккомпанемент глухого страха перед завтрашним днем.

Денег на откуп алчным стражам порядка давать принципиально не стал. Во-первых, у нищего искателя запредельного таких сумм в карманах отродясь не водилось, а во-вторых,

выбить давние долги за аренду жилья у кое-кого из близкого окружения не представлялось возможным — у должников в карманах гулял разве что ветер.

В итоге, благодаря вовремя подвернувшемуся школьному товарищу, выросшему в маститого адвоката, спасение от тюремных нар обошлось даже дешевле, чем запрашивали гостеприимные сотрудники милиции. Однако до этой счастливой развязки было выпито столько крови и сожжено столько нервных вагонов, что вся эта эпопея легла на сердце глубоким, ноющим шрамом.

Самое же пикантное и по-своему комичное в случившемся финансовом крушении заключалось в роли одной давней доброжелательницы — квартирантки по имени Дуля. Пока тикали часы, отведенные правоохранителями на сбор выкупа, эта расторопная дама с нежностью заботливой наседки принялась нашёптывать мудрые советы.

Женщина настойчиво рекомендовала не тянуть кота за хвост, по-быстрому сбросить за бесценок обе квартиры и временно эвакуироваться в Калининград к сестре, пока грозовые тучи над бульваром Эркиндик окончательно не рассеются. В свое время Дуля сыграла в моей биографии весьма двусмысленную партию: то ли разыграла перед носом спектакль уровня Большого театра, то ли действительно спасла, когда над недвижимостью нависла тень настоящих бандитов в погонах.

Корни той истории уходили на шесть лет назад. Тогда

один предприимчивый государственный служащий — местный участковый, оказавшийся на поверку обыкновенным уголовником с удостоверением, — пронюхал, что после смерти отца я остался куковать в квартире в гордом одиночестве. Согласно вдохновенным рассказам самой Дули, этот оборотень вынашивал коварный план: подбросить одинокому жильцу пакетик с запрещенными веществами, затянуть на шее удавку шантажа и поставить на пожизненную абонентскую плату.

Визит вежливости действительно состоялся, пока квартира пустовала. Проверяя паспорт, милиционер с прищуром опытного ищейки обшаривал глазами углы комнат и с пристрастием выспрашивал насчет запрещенных препаратов. Второй заход произошел чуть позже, когда в доме уже поселилась моя квартирантка-мусульманка. Стоило гостю переступить порог, как Дуля обрушила на него такой бурный, гортанный монолог на киргизском языке, что бедолага вымогатель пулей вылетел за дверь, словно ошпаренный. Спустя некоторое время этого предприимчивого стража порядка все-таки упаковали на нары за аналогичные художества.

И вот теперь, на витке нового кризиса, Дуля как-то подозрительно мягко, словно невзначай, снова принялась подталкивать к срочной распродаже имущества и побегу в Калининград — дескать, береженого Бог бережет. Под прессом паники и тупого животного страха пришлось опрометчиво

ввязаться в эту сомнительную квартирную гонку. Случайная встреча со школьным другом-юристом произошла чуть позже, когда дрова были уже наломаны и сложены в аккуратную поленницу. В общем, редкостное по своей корявости стечение обстоятельств, заставившее всерьез задуматься: а туда ли вообще рулит воин и нет ли в его карме серьезных пробоин?

На десерт финансовых приключений судьба приготовила совсем уж изысканное блюдо: целых два с половиной года пришлось унизительно выжидать причитающиеся деньги за проданную недвижимость от той самой бывшей квартирантки. По широте душевной и в приступе трогательной, почти святой благодарности за былую защиту, документы на жилье были переоформлены на ее имя без получения единой копейки наличными. Взамен в кармане осталась лишь корявая бумажка-расписка с торжественным обещанием вернуть всю сумму через пару месяцев. Кастанедовский сталкер в действии: проходить сквозь кирпичные стены в астрале мы уже научились, а вот на грешной земле подарить недвижимость за честное слово — милости просим!

Разумеется, возврат кровных средств плавно растянулся на годы. Пока текло это медитативное ожидание, цены на жилье в Калининграде, где обосновались родная сестра и племянницы, успели улететь в стратосферу, да и в Киргизии заметно подросли.

Должница соизволила расщедриться лишь тогда, когда са-

рафанное радио донесло до ее чутких ушей весть о твердом Намерении вернуть законные квадратные метры через суд. Вдобавок за эти годы американский доллар успел похудеть почти на треть, но заикнуться о справедливой компенсации или процентах мешало какое-то нелепое, чисто интеллигентское стеснение — внутри все еще теплилась наивная вера, что порядочный человек сам догадается возместить ущерб.

Какой же, право слово, трогательный, детсадовский взгляд на святое понятие дружбы жил тогда в голове! За потерянные годы ожидания женщина так и не накинула ни цента, а ее многочисленная родня вдобавок осталась должна около тысячи долларов за съем жилья — видимо, в счет укрепления межнациональной дружбы.

В сухом остатке — звонкий финансовый крах и горькое похмелье от собственной доверчивости. Однако, если препарировать всю эту цепочку событий без лишних эмоций, в ней отчетливо проступает почерк зазеркальной режиссуры. Ловушка захлопнулась с математической точностью, наглядно доказав искателю запредельного простую истину: заигрывания с силами бездны и потеря трезвости в плотном мире неизбежно заканчиваются чувствительным щелчком по носу — и по кошельку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вся плотная земная кутерьма с бесконечными судами, ка-

зенными чиновниками и квартирными долгами, если взглянуть на нее непредвзято, выглядит пресной, как сухарь на диете, с благородной высоты исследования великого Непознанного. Конечно, если не сидеть над этими бытовыми ребусами с лупой, выискивая в каждой повестке тайные знаки судьбы, нити провидения и кармические узлы.

А потому, пожалуй, пора решительно отодвинуть в сторону серую бухгалтерию плотного плана ради куда более захватывающих материй. Пришло время продолжить прерванный рассказ о тех ошеломляющих, леденящих душу мистических наблюдениях, которые довелось лично пережить и пропустить сквозь собственное сознание в далеких, бурлящих девяностых годах.

То была удивительная эпоха, когда сама ткань привычной реальности казалась протертой до дыр, а за каждым углом обывательского мира караулило Неведомое, готовое заглотить зазевавшегося путника целиком. Обыденный рассудок пасует перед многомерностью пространства, судорожно цепляясь за привычные графики и расписания. Но для искателя запредельного злой рок тринадцатого числа становится идеальным ломом, взламывающим привычную социальную стабильность. Накопленная в практиках свободная энергия требовала выхода наружу, и незримая режиссура Вселенной незамедлительно выкатила первый фантастический урок наяву.

Однажды чудесным, прозрачным утром, когда внутри

проснулось спонтанное, непреодолимое желание выйти на освежающую прогулку, у самого порога дома пришлось нос к носу столкнуться с собственным отцом. Папа как раз возвращался в родные пенаты после традиционной утренней пробежки — зрелище, надо признаться, редкое и поистине праздничное, достойное занесения в Красную книгу. Подобные вспышки фанатичного здорового образа жизни накатывали на него лишь в те краткие, благословенные периоды затишья, когда родитель временно уставал похмеляться и безбожно глушить вино днем и ночью, превращая быт в непрерывный хмельной туман.

Чинно, с легким кивком поздоровались, и вдруг он, прищурив покрасневшие глаза с видом опытного следователя, буквально огорошил меня резким, подозрительным вопросом:

— Куда это ты вчера навострил лыжи с самого раннего утра?

От такой постановки вопроса пришлось искренне опешить, но ответ прозвучал спокойно и веско:

— Никуда не ходил. Весь вчерашний день безвылазно, без единого перерыва просидел в четырех стенах — занимался серьезными психотехническими упражнениями, проводил тотальный пересмотр прошлой жизни.

Отец лишь скептически, с горькой ухмылкой сначала буркнул что-то, а потом едко бросил на ходу, что такими темпами непременно съеду с катушек от безумных кастанедов-

ских занятий, которые окончательно разжижат мне мозги. В ту секунду стало по-настоящему смешно, и мгновенно включился чистый, сочный сталкинский юмор сквозь призму житейского абсурда. Забавная выходила дилемма: безумно интересно, кто же из нас двоих на самом деле быстрее «чокнулся» на этой грешной земле? Один — окончательно растерявший ориентиры в тумане бесконечного дешевого вина, или другой — методично штурмующий эзотерические практики ради обретения свободы духа?

Когда батя развернулся и тяжелым шагом направился к дверям, пришлось немедленно его догнать, сгорая от исследовательского азарта, и настойчиво приступить к допросу:

— Погоди-ка, расскажи подробнее, что именно произошло вчера? Что ты видел?

Чтобы вытянуть из него полную, связную картину загадочного инцидента, пришлось применить весь арсенал точечных, профессиональных наводящих вопросов. Требовалось ювелирно выудить крупицы истины из его похмельного, путающегося восприятия, пока драгоценные улики не испарились окончательно под воздействием винных паров.

Папа нехотя притормозил и поведал удивительную, пугающую зазеркальную хронику: тем таинственным утром мы якобы столкнулись на улице точно так же, как и сейчас. Поздоровались, и он с удивлением поинтересовался, куда это мне приспичело в несусветную рань — сам родитель в ту минуту только-только выбегал на свою физкультурную дистан-

цию.

А ведь именно в предрассветный час, на стыке ночи и зари, со мной обычно и случались самые глубокие, контролируемые сновидения. Согласно папиному рапорту, мой двойник коротко и сухо бросил ему, что скоро вернется, после чего неспешной, абсолютно уверенной походкой направился к незнакомой молодой паре, поджидавшей его на тротуаре. Затем эта загадочная троица вместе направилась в сторону старого бульвара.

Поскольку любопытство уже граничило с мистическим оцепенением, пришлось с пристрастием выспрашивать отца об облике и одежде тех двоих. Первая шальная мысль, промелькнувшая в голове, касалась Стаса с Миланой, но жесткая логика тут же похоронила эту гипотезу — они понятия не имели, где располагалось мое жилье, и никак не могли караулить под окнами. К тому же старина Карл Юнг подробно описывал подобные хроно-аномалии как проявление автономных психических комплексов, способных материализоваться в физическом пространстве.

Когда закончился словесный портрет таинственных пешеходов, ноги сами приросли к асфальту — рассудок тщетно пытался переварить смысл этой взрывной информации. Во-первых, описанные им люди оказались абсолютно незнакомыми, таких персонажей никогда не водилось ни среди друзей, ни среди случайных попутчиков. Во-вторых, даже сегодня, спустя долгие десятилетия, можно положить руку на от-

сечение: в тот день никакой встречи с ним на улице не было и в помине! Физическая плоть мирно спала в теплой постели, и до сих пор величайшей, неразрешимой загадкой остается вопрос: кто же именно дышал, говорил и разгуливал по городу в моем скафандре?

Но на этом ребусы пространства не закончились, обнажив еще одну, куда более зловещую тайну тогдашнего бытия. Дело в том, что в период интенсивных, безжалостных энергетических тренировок велась фанатичная работа по стиранию эмоциональных зацепок всей прошлой жизни. То был тяжелый, но необходимый труд воина для сбора свободной энергии через так называемый пересмотр, или тотальное вспоминание. И по тревожным наблюдениям, побочным эффектом этой чистки стало заметное проседание и без того не самой цепкой человеческой памяти.

Однако случившийся казус никак не укладывался в рамки банальной забывчивости или склероза — здесь отчетливо тянуло зазеркальным дублем, зажившим собственной автономной жизнью за спиной хозяина. Земные дни тогда принялись мелькать с такой бешеной, неестественной скоростью, будто кто-то нагло, невидимой рукой вырывал листы из календаря прямо из-под носа. В те годы довелось временно остаться без работы, поэтому все свободное время без остатка уходило в упражнения и медитации. Порой сознание буквально цепенело от изумления, обнаруживая бесследную пропажу целых суток и огромных часовых кусков.

Вспомнив об этом фокусе прямо посреди разговора, решил устроить контрольную сверку часов и поинтересовался, какой же сегодня день недели — в памяти железно сидел вечер, когда голова коснулась подушки. Папа спокойно, как само собой разумеющееся, обронил, что на дворе уже четверг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.